

Клайв Стейплз Льюис

Просто христианство

ПРЕДИСЛОВИЕ

То, о чем говорится в этой книге, послужило материалом для серии радиопередач, а впоследствии было опубликовано в трех отдельных частях под названием «Радиобеседы» (1942), «Христианское поведение» (1943) и «За пределами личности» (1944). В печатном варианте я сделал несколько дополнений к тому, что сказал в микрофон, но в остальном оставил текст без особых изменений. Беседа по радио не должна, по-моему, звучать как литературный очерк, прочитанный вслух, она должна быть именно беседой, исполненной искренности. Поэтому в моих беседах я использовал все сокращения и разговорные выражения, какие обычно употребляю в беседе. В печатном варианте я воспроизвел эти сокращения и разговорные обороты. И все те места, где в беседе по радио я подчеркивал значимость того или иного слова тоном голоса, в печатном варианте я выделил курсивом. Сейчас я склонен считать, что это было с моей стороны ошибкой — нежелательным гибридом искусства устной речи с искусством письма. Рассказчик должен использовать оттенки своего голоса для подчеркивания и выделения определенных мест, потому, что сам жанр беседы этого требует, но писатель не должен использовать курсив в тех же целях. Он располагает другими, своими собственными средствами и должен пользоваться этими средствами, для того чтобы выделить ключевые слова.

В этом издании я устранил сокращения и заменил все курсивы, переработав те предложения, в которых эти курсивы встречались, не повредив, надеюсь, тому «знакомому» и простому тону, который был свойствен радиобеседам. Кое-где я внес добавления или вычеркнул отдельные места; при этом я исходил из того, что первоначальный вариант, как я выяснил, был превратно понят другими, да и сам я, по-моему, стал лучше понимать предмет беседы теперь, чем понимал десять лет назад.

Хочу предупредить читателей, что я не предлагаю никакой помощи тем, кто колеблется между двумя христианскими «деноминациями». Вы не получите от меня совета, кем вы должны стать: приверженцем ли англиканской церкви или методистской, членом пресвитерианской или римской католической церкви. Этот вопрос я опустил умышленно (даже приведенный выше список я дал просто в алфавитном порядке). Я не делаю тайны из моей собственной позиции. Я совершенно обычный рядовой член церкви Англии, не слишком «высокий», не слишком «низкий», и вообще не слишком что бы то ни было. Но в этой книге я не делаю попытки переманить кого-либо на мою позицию.

С того самого момента, как я стал христианином, я всегда считал, что лучшая и, возможно, единственная услуга, какую я мог бы оказать моим неверующим ближним, — это объяснить и защитить веру, которая была общей и единой почти для всех христиан на протяжении всех времен. У меня достаточно причин для такой точки зрения.

Прежде всего, вопросы, которые разделяют христиан (на различные деноминации), часто касаются отдельных проблем высокой теологии или даже истории церкви, и эти вопросы следует оставить на рассмотрение специалистов, профессионалов. Я бы захлебнулся в таких глубинах и скорее сам нуждался бы в помощи, чем был бы способен оказать ее другим.

Во-вторых, я думаю, мы должны признать, что дискуссии по этим спорным вопросам едва ли способны привлечь в христианскую семью человека со стороны. Обсуждая их письменно и устно, мы скорее отпугиваем его от христианского сообщества, чем привлекаем к себе. Наши расхождения во взглядах следует обсуждать лишь в присутствии тех, кто уже пришел к вере в то, что есть один Бог и что Иисус Христос — Его единственный Сын.

Наконец, у меня создалось впечатление, что гораздо больше талантливых авторов было вовлечено в обсуждение этих спорных вопросов, чем в защиту сущности христианства, или «просто» христианства, как его называет Бакстер. Та область, в которой, как я считал, я мог бы послужить с наибольшим успехом, более всего в подобной службе и нуждалась. Естественно, именно туда я и направился.

Насколько я помню, лишь к этому и сводились мои мотивы и побуждения, и я был бы очень рад, если бы люди не делали далеко идущих выводов из моего молчания по некоторым спорным вопросам.

К примеру, такое молчание вовсе не обязательно означает, что я занимаю выжидательную позицию. Хотя иногда это действительно так. У христиан порой возникают вопросы, ответов на которые, я думаю, у нас нет. Встречаются и такие, на которые я, скорее всего, никогда не получу ответа: даже если я задам их в лучшем мире, то, возможно (насколько я знаю), получу такой ответ, какой уже получил однажды другой, гораздо более великий вопрошатель: «Что тебе до этого? Следуй за Мной!» Однако существуют и другие вопросы, по которым я занимаю совершенно определенную позицию, но и по этим вопросам я храню молчание. Потому что я пишу не с целью изложить нечто, что я мог бы назвать «моей религией», а для того, чтобы разъяснить сущность христианства, которое есть то, что оно есть, пребывало таким задолго до моего рождения и не зависит от того, нравится оно мне или нет.

Некоторые люди делают необоснованные заключения из того факта, что я говорю о Благословенной Деве Марии только то, что связано с Непорочным зачатием и рождением Христа. Но причина этого очевидна. Пели бы я сказал немного больше, это сразу завело бы меня в сферу крайне спорных точек зрения. Между тем ни один другой спорный вопрос, в христианстве не нуждается в таком деликатном подходе, как этот. Римская католическая церковь защищает свои представления по этому вопросу не только с обычным пылом, свойственным всем искренним религиозным верованиям, но (вполне естественно) тем более горячо, что в этом проявляется рыцарская чувствительность, с какой защищает человек честь своей матери или возлюбленной от грозящей ей опасности. Очень трудно разойтись с ними в этих взглядах ровно настолько, чтобы не показаться им невеждой, а то и еретиком. И наоборот, противоположные верования протестантов по этому вопросу вызываются чувствами, которые уходят своими корнями к самим основам монотеизма. Радикальным протестантам кажется, что под угрозу ставится само различие между Творцом и творением (каким бы святым оно ни было); что вновь, таким образом, возрождается многобожие. Однако очень трудно и с ними разойтись во мнениях ровно настолько, чтобы не оказаться в их глазах чем-то похуже еретика, а именно язычником. Если существует такая тема, которая способна погубить книгу о сущности христианства, если какая-то тема может вылиться в абсолютно бесполезное чтение для тех, кто еще не поверил в то, что Сын Девы есть Бог, то это именно данная тема.

Возникает странная ситуация: из моего молчания по этим вопросам вы даже не можете сделать заключения, считаю я их важными или нет. Дело в том, что самый вопрос об их значимости тоже относится к спорным. Один из пунктов, по которому христиане расходятся во мнениях, это — важны ли их разногласия. Когда два христианина из различных деноминаций начинают спорить, вскоре, как правило, один из них спрашивает, а так ли уж важен данный вопрос; на что другой отвечает: «Важен ли? Ну конечно, он имеет самое существенное значение!»

Все это было сказано только для того, чтобы объяснить, какого рода книгу я попытался написать, а вовсе не для того, чтобы скрыть свои верования или уйти от ответственности за них. Как я уже говорил, я не держу их в секрете. Выражаясь словами дядюшки Тоби: «Они записаны в молитвеннике».

Опасность заключалась в том, что под видом христианства как такового я мог изложить нечто присущее лишь англиканской церкви или (что еще хуже) мне самому. Чтобы избежать этого, я послал первоначальный вариант того, что стало здесь книгой

второй, четырьмя различными священнослужителями (англиканской церкви, методистской, пресвитерианской и римской католической), прося их критических отзывов. Методист решил, что я недостаточно сказал о вере, а католик — что я зашел слишком далеко в вопросе о сравнительной маловажности теорий, объясняющих искупления. В остальном мы пятеро согласились друг с другом. Другие книги я не стал подвергать подобной проверке, потому что, если бы они и вызвали расхождения во мнениях среди христиан, это были бы расхождения между отдельными индивидуумами и школами, а не между различными деноминациями.

Насколько я могу судить по этим критическим обзорам или по многочисленным письмам, полученным мною, эта книга, какой бы она ни была ошибочной в других отношениях, преуспела, по крайней мере, в одном — дать представление о христианстве общепринятом. Таким образом, эта книга, возможно, окажет определенную помощь в преодолении той точки зрения, что, если мы опустим все спорные вопросы, то нам останется лишь неопределенная и бескровная Святая Христианская Вера. На деле Святая Христианская Вера оказывается не только чем-то положительным, но и категорическим, отделенным от всех нехристианских вероисповеданий пропастью, которая не идет ни в какое сравнение даже с самыми серьезными случаями разделения внутри христианства. Если я не помог делу воссоединения прямо, то, надеюсь, ясно показал, почему мы должны объединиться. Правда, я нечасто встречался с проявлениями легендарной теологической нетерпимости со стороны убежденных членов общин, расходящихся во мнениях с моей собственной. Враждебность исходит в основном от людей, принадлежащих к промежуточным группам, в пределах как англиканской церкви, так и других деноминаций, то есть от таких, которые не очень-то считаются с мнением какой бы то ни было общины. И такое положение вещей я нашел утешительным. Потому что именно центры каждой общины, где сосредоточены истинные дети ее, по-настоящему близки друг другу — по духу, если не по доктрине. И это свидетельствует, что в центре каждой общины стоит что-то или Кто-то, Кто, вопреки всем расхождениям во мнениях, всем различиям в темпераменте, всем воспоминаниям о взаимных преследованиях, говорит одним и тем же голосом.

Это все, что касается моих умолчаний по поводу доктрины. В книге третьей, в которой речь идет о вопросах морали, я также обошел молчанием некоторые моменты, но по иным причинам. Еще с той поры, когда я служил рядовым во время первой мировой войны, я проникся антипатией к людям, которые, сидя в безопасности штабов, издавали призывы и наставления для тех, кто находился на линии фронта. В результате я не склонен много говорить об искушениях, с которыми мне самому не приходилось сталкиваться. Я полагаю, что нет такого человека, который был бы искушаем всеми грехами. Уж так случилось, что тот импульс, который делает из людей игроков, не был заложен в меня при моем сотворении; и, вне сомнений, я расплачиваюсь за это отсутствием во мне и других, полезных импульсов, которые, будучи преувеличены или искажены, толкают человека на путь азартной игры. Поэтому я не чувствую себя достаточно сведущим, чтобы давать советы относительно того, какая азартная игра позволительна, а какая-нет: если и вообще существуют позволительные азартные игры, то мне об этом просто неизвестно. Я также обошел молчанием вопрос о противозачаточных средствах. Я не женщина, я даже не женатый человек и не священник. Поэтому я не считаю себя вправе занимать решительную позицию в вопросе, связанном с болью, опасностью и издержками, от которых я сам избавлен; кроме того, я не занимаю пасторской должности, которая обязывала бы меня к этому.

Могут возникнуть и более глубокие возражения — они и были выражены — по поводу моего понимания слова христианин, которым я обозначаю человека, разделяющего общепринятые доктрины христианства. Люди задают мне вопрос: «Кто вы такой, чтобы устанавливать, кто христианин, а кто нет?» Или: «Не могут ли многие люди, не способные поверить в эти доктрины, оказаться гораздо более истинными христианами,

более близкими к духу Христа, чем те, кто в эти доктрины верит?» Это возражение в каком-то смысле очень верное, очень милосердное, очень духовное, очень чуткое. Но обладая всеми полезными свойствами, оно — бесполезно. Мы просто не можем безнаказанно пользоваться языковыми категориями так, как того хотят от нас наши оппоненты. Я постараюсь разъяснить это на примере употребления другого, гораздо менее важного слова.

Слово «джентльмен» первоначально означало нечто вполне определенное — человека, имевшего свой герб и земельную собственность. Когда вы называли кого-нибудь джентльменом, вы не говорили ему комплимент, а просто констатировали факт. Если вы говорили про кого-то, что он не джентльмен, это было не оскорблением, а простой информацией. В те времена сказать, что, к примеру, Джон — лгун и джентльмен, не было бы противоречием; по крайней мере, это не звучало бы более противоречиво, чем если бы сегодня мы сказали, что Джеймс — дурак и магистр наук. Но затем появились люди, которые сказали

— сказали так верно, доброжелательно, с таким глубоким пониманием и чуткостью (и тем не менее слова их не несли полезной информации): «Но ведь для джентльмена важны не герб его и земля, а то, как он себя ведет. Конечно же, истинный джентльмен — тот, кто ведет себя, как подобает джентльмену, не так ли? А значит, Эдвард гораздо более джентльмен, чем Джон». Сказавшие так имели благородные намерения. Намного лучше быть честным, и вежливым, и храбрым, чем обладать собственным гербом. Но это не одно и то же. Хуже того, не каждый захочет с этим согласиться. Ибо слово «джентльмен» в этом новом, облагороженном смысле перестает быть информацией о человеке, и просто превращается в похвалу ему: сказать, что такой-то человек не джентльмен, — значит нанести ему оскорбление. Когда слово перестает быть средством описания, а становится лишь средством похвалы, оно не несет больше фактической информации: оно свидетельствует только об отношении говорящего. («Хорошая» еда означает лишь то, что она нравится говорящему.) Слово «джентльмен», будучи «одухотворено» и «очищено» от своего прежнего, четкого и объективного смысла, едва ли означает теперь больше, нежели то, что говорящему нравится тот, о ком идет речь. В результате слово «джентльмен» превратилось в бесполезное слово. У нас и так уже было множество слов, выражающих одобрение, так что для этой цели мы в нем не нуждались: с другой стороны, если кто-то (к примеру, в исторической работе) пожелает использовать это слово в его старом смысле, он не сможет этого сделать, не прибегнув к объяснениям, потому что слово это не годится больше для выражения своего первоначального значения.

Так что, если однажды мы позволим людям возвышать и облагораживать или, по их словам, наделять более глубоким смыслом слово «христианин», это слово тоже вскоре утратит свой смысл. Во-первых, сами христиане не смогут применить его ни к одному человеку. Не нам решать, кто, в самом глубоком значении этого слова, близок или нет к духу Христа. Мы не можем читать в человеческих сердцах. Мы не можем судить, судить нам запрещено. Было бы опасной самонадеянностью с нашей стороны утверждать, что такой-то человек является или не является христианином в глубоком смысле этого слова. Но очевидно, что слово, которое мы не можем применять, становится бесполезным. Что касается неверующих, то они, несомненно, с готовностью станут употреблять это слово в его «утонченном» смысле. В их устах оно делается просто выражением похвалы. Называя кого-то христианином, они лишь будут иметь в виду, что это хороший человек. Но такое употребление этого слова не обогатит языка, ведь у нас уже есть слово «хороший». Между тем слово «христианин» перестанет быть пригодным для выполнения той действительно полезной цели, которой оно служит сейчас.

Мы должны, таким образом, придерживаться первоначального, ясного значения этого слова. Впервые христианами стали называться «ученики» в Антиохии, то есть те, кто принял учение апостолов (Деян. II, 26). Несомненно, так назывались лишь те, которые извлекли для себя наибольшую пользу из этого учения. Безусловно, это имя

распространялось не на тех, кто колебались, принять ли им учение апостолов, а на тех, кто именно в возвышенном, духовном смысле оказался «гораздо ближе к духу Христа». Это не вопрос богословия или морали. Это лишь вопрос употребления слов таким образом, чтобы всем было ясно, о чем идет речь. Если человек, который принял доктрину христианства, ведет жизнь, недостойную ее, правильнее будет назвать его плохим христианином, чем сказать, что он не христианин.

Я надеюсь, что ни одному читателю не придет в голову, будто «сущность» христианства предлагается здесь в качестве какой-то альтернативы вероисповеданиям существующих христианских церквей — как если бы кто-то мог предпочесть ее учению конгрегационализма, или греческой православной церкви, или чему бы то ни было другому. Скорее «сущность» христианства можно сравнить с залом, из которого двери открываются в несколько комнат. Если мне удастся привести кого-нибудь в этот зал, моя цель будет достигнута. Но зажженные камин, стулья и пища находятся в комнатах, а не в зале. Этот зал

— место ожидания, место, из которого можно пройти в ту или иную дверь, а не место обитания. Даже наихудшая из комнат (какая бы то ни было) больше подходит для жилья. Некоторые люди, верно, почувствуют, что для них полезнее остаться в этом зале подольше, тогда как другие почти сразу же с уверенностью выберут для себя дверь, в которую им надо постучаться. Я не знаю, от чего происходит такая разница, но я уверен в том, что Бог не задержит никого в зале ожидания дольше, чем того требуют интересы данного человека. Когда вы наконец войдете в вашу комнату, вы увидите, что долгое ожидание принесло вам определенную пользу, которой иначе вы не получили бы. Но вы должны смотреть на этот предварительный этап как на ожидание, а не как на привал. Вы должны продолжать молиться о свете; и конечно, даже пребывая в зале, вы должны начать попытки следовать правилам, общим для всего дома. И кроме того, вы должны спрашивать, какая дверь истинна, невзирая на то, какая из них нравится вам больше по своей обшивке или окраске. Выражаясь проще, вы не должны спрашивать себя: «Нравится ли мне эта служба?», но: «Правильны ли эти доктрины? Здесь ли обитает святость? Сюда ли указывает мне путь моя совесть? Происходит ли мое нежелание постучать в эту дверь от моей гордости, или просто от моего вкуса, или от моей личной неприязни к этому конкретному привратнику?»

Когда вы войдете в вашу комнату, будьте добры к тем, кто вошел в другие двери, и к тем, кто еще ожидает в зале. Если они — ваши враги, то помните, что вам приказано молиться за них. Это одно из правил, общих для всего дома.

Книга 1. ДОБРО И ЗЛО КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ВСЕЛЕННОЙ ЗАКОН ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ

Каждый слышал, как люди ссорятся между собой. Иногда это выглядит смешно, иногда — просто неприятно; но как бы это ни выглядело, я считаю, что мы можем извлечь для себя кое-какие важные уроки, слушая, что ссорящиеся говорят друг другу. Они говорят, например, такие вещи: «Как бы вам понравилось, если бы кто-нибудь сделал то же самое вам?», «Это мое место, я его первый занял», «Оставьте его в покое, он не делает вам ничего плохого», «Почему я должен уступать тебе?», «Дай мне кусочек твоего апельсина, я давал тебе от своего», «Давай, давай, ты же обещал». Каждый день люди произносят подобное — как образованные, так и необразованные, как дети, так и взрослые.

Относительно всех этих и подобных им замечаний меня интересует лишь то, что человек, делающий их, не просто заявляет, что ему не нравится поведение другого человека. Он взывает при этом к какому-то стандарту поведения, о котором, по его мнению, знает другой человек. И тот, другой, очень редко отвечает: «К черту ваши

стандарты!» Почти всегда он старается показать, что то, что он сделал, на самом деле не идет вразрез с этим стандартом поведения, а если все-таки идет, то для этого имеются особые извинительные причины. Он делает вид, что в данном конкретном случае у него были эти особые причины, чтобы просить освободить место того, кто занял его первым, или что ему дали кусочек апельсина совсем при других обстоятельствах, или что случилось нечто непредвиденное, освобождающее его от необходимости выполнить обещание. Фактически выглядит так, что обе стороны имели в виду какого-то рода Закон или Правило честной игры, или порядочного поведения, или морали, или чего-то в этом роде, относительно, чего они оба согласны. И это действительно так. Если бы они не имели в виду этого Закона, они могли бы, конечно, драться, как дерутся животные, но не могли бы ссориться и спорить по-человечески. Ссориться — значит стараться показать, что другой человек не прав. И в этом старании не было бы смысла, если бы между вами и им не существовало какого-то рода согласия в том, что такое добро и что такое зло.

Точно так же не имело бы смысла говорить, что футбольный игрок допустил нарушение, если бы не существовало определенного соглашения по поводу правил игры в футбол.

Этот закон раньше называли «естественным», то есть законом природы. Сегодня, когда мы говорим о «законах природы», мы обычно подразумеваем такие вещи, как силы тяготения, или наследственность, или химические законы. Но когда мыслители древности называли законы добра и зла «законами природы» они подразумевали под этим «закон человеческой природы». Их идея состояла в том, что, как все физические тела подчиняются закону тяготения, как все организмы подчиняются биологическим законам, так и существо по имени человек имеет свой закон — с той великой разницей, однако, что физическое тело не может выбирать, подчиняться ли ему закону тяготения или нет, тогда как человек имеет право выбора — подчиняться ли ему закону человеческой природы или нарушать его.

Ту же идею можно выразить по-другому. Каждый человек постоянно, каждую секунду находится под действием нескольких различных законов. И среди них имеется только один, который он свободен нарушить. Будучи физическим телом, человек подвластен закону тяготения и не может пойти против него: если вы оставите человека без поддержки в воздухе, у него будет не больше свободы выбора, чем у камня, упасть на землю или не упасть. Будучи организмом, человек должен подчиняться различным биологическим законам, которые он не может нарушить по своей воле, точно так же как их не могут нарушить животные. То есть человек не может не подчиняться тем законам, которые он разделяет с другими телами и организмами. Но тот закон, который присущ только человеческой природе, и который не распространяется на животных, растения или на неорганические тела, — такой закон человек может нарушить по своему выбору. Этот закон назвали «естественным», потому что люди думают, что каждый человек знает его инстинктивно и поэтому никого не надо учить ему.

При этом, конечно, не имелось в виду, что время от времени нам не будут попадаться индивидуумы, которые не знали бы о нем, аналогично тому как время от времени нам встречаются дальтоники или люди, совершенно лишенные музыкального слуха. Но, рассматривая человечество в целом, люди полагали, что человеческая идея о приличном поведении очевидна для каждого, И я считаю, что они были правы. Если бы они были не правы, то все, что мы говорим о войне, например, оказалось бы лишеным смысла. Какой смысл заявлять, что враг не прав, если такая вещь, как добро, не была бы реальностью? Если бы нацисты не знали в глубине своего сердца так же хорошо, как и мы с вами, что им следовало подчиняться голосу добра, если бы они не имели представления о том, что мы называем добром, то, хотя нам и пришлось бы воевать против них, мы смогли бы их винить в содеянном ими зле не более, чем в цвете их волос.

Я знаю, что, по мнению некоторых людей, закон порядочного поведения, знакомый всем нам, не имеет под собой твердого основания, потому что в разные века различные

цивилизации придерживались совершенно несхожих взглядов на мораль. Но это неверно. Различия между взглядами на мораль действительно существовали, но они всегда касались лишь частных деталей.

Если кто-нибудь возьмет на себя труд сравнить учения о морали, господствовавшие, скажем, в Древнем Египте, Вавилоне, Индии, Китае, Греции и Риме, то его поразит факт, насколько эти учения были похожи друг на друга и на наше сегодняшнее понятие о нравственности. Некоторые свидетельства этого я обобщил в одной из моих книг под названием «Человек отменяется», но в данный момент я хотел бы лишь попросить читателя подумать о том, к чему бы привело совершенно различное понимание морали. Представьте себе страну, где восхищаются людьми, которые убегают с поля битвы, или где человек гордится тем, что обманул всех, кто проявил к нему неподдельную доброту. Вы с таким же успехом можете представить себе страну, где дважды два будет пять. Люди расходились во взглядах на то, по отношению к кому не следует быть эгоистичным, — только ли к членам своей семьи, или к тем, кто живет вокруг, или вообще ко всем людям. Однако они всегда были согласны в том, что не следует ставить на первое место самого себя. Эгоизм никогда и нигде не считался похвальным качеством.

Разного мнения держались люди и по тому вопросу, сколько жен следует иметь: одну или четырех. Но они всегда были согласны в том, что брать каждую понравившуюся женщину вы не имеете права.

Однако самое замечательное состоит в следующем. Когда бы вам ни встретился человек, утверждающий, что он не верит в реальность добра и зла, уже в следующий момент вы увидите, как этот же человек сам возвращается к отвергнутым им принципам. Он может нарушить обещание, данное вам, но если вы попытаетесь нарушить обещание, данное ему, то не успеете вы и слово вымолвить, как он станет жаловаться: «Это несправедливо». Представители какой-нибудь страны могут утверждать, что договоры не имеют никакого значения, но в следующую минуту они перечеркнут собственное утверждение, заявив, что договор, который они собираются нарушить, несправедлив. Однако если договоры не имеют никакого значения и если не существуют добро и зло, иными словами, если нет никакого закона человеческой природы, то какая же может быть разница между справедливыми и несправедливыми договорами? Я думаю, шила в мешке не утаишь, и, что бы они ни говорили, совершенно ясно, что они знают этот закон человеческой природы так же хорошо, как любой другой человек.

Отсюда следует, что мы вынуждены верить в подлинное существование добра и зла. Временами люди могут ошибаться в определении их, как ошибаются, скажем, при сложении чисел, но понятие о добре и зле не в большей мере зависит от чьего-то вкуса и мнения, чем таблица умножения. А теперь, если вы согласны со мной в этом пункте, мы перейдем к следующему. Он состоит в том, что никто из нас по-настоящему не следует закону природы. Если среди вас найдутся люди, являющиеся исключением, я приношу им мои извинения. Этим людям я бы посоветовал почитать какую-нибудь другую книгу, потому что все то, о чем я собираюсь говорить здесь, не имеет к ним отношения.

Итак, возвратимся к обычным человеческим существам. Я надеюсь, что вы не поймете превратно то, что я собираюсь сказать. Я здесь не проповедую, и Богу известно то, что я не пытаюсь показаться лучше других. Я просто стараюсь обратить ваше внимание на один факт, а именно на то, что в этом году, или в этом месяце, или, что еще вероятнее, сегодня мы с вами не сумели вести себя так, как хотели бы, чтоб вели себя другие люди. Для этого может быть сколько угодно объяснений и извинений.

Например, вы страшно устали, когда были так несправедливы к детям; та не совсем чистая сделка, о которой вы почти забыли, подвернулась вам в такой момент, когда у вас было особенно туго с деньгами; а то, что вы обещали сделать для такого-то старого своего приятеля (обещали и не сделали) — что ж, вы никогда не стали бы связывать себя словом, если бы знали заранее, как ужасно заняты будете в это время! Что же касается вашего поведения с женой (или мужем), сестрой (или братом), то, если бы я знал, как они

способны раздражать человека, я бы не удивлялся — да и кто я такой, в конце концов? Я сам такой же. То есть мне самому не удается как следует соблюдать естественный закон, и как только кто-нибудь начинает говорить мне, что я его не соблюдаю, в моей голове сразу же возникает целый рой извинений и объяснений. Но в данный момент нас не интересует, насколько обоснованы все эти извинения и объяснения. Дело в том, что они лишь еще одно доказательство того, как глубоко, нравится нам это или нет, верим мы в закон человеческой природы. Если мы не верим в реальную значимость порядочного поведения, почему тогда мы так ревностно оправдываем свое не совсем порядочное поведение? Правда состоит в том, что мы верим в порядочность настолько глубоко — мы испытываем на себе такое сильное давление этого закона или правила, — что не в состоянии вынести того факта, что нарушаем его, и в результате пытаемся списать свою ответственность за нарушение на кого-то или на что-то другое.

Вы заметили, что мы подыскиваем объяснения только нашему плохому поведению? Только наше плохое поведение мы объясняем тем, что были усталыми, или обеспокоенными, или голодными. Свое хорошее поведение мы не объясняем внешними причинами: мы ставим его исключительно в заслугу себе. Итак, я хочу обратить ваше внимание на два пункта: Первое: человеческие существа во всех частях земного шара разделяют любопытную идею о том, что они должны вести себя определенным образом. Они не могут отделаться от этой идеи. Второе: в действительности, они не ведут себя таким образом. Они знают естественный закон, и они нарушают его.

На этих двух фактах основаны наше понимание самих себя и той Вселенной, в которой мы живем.

НЕКОТОРЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ

Если эти два факта являются основой, то мне следует остановиться, чтобы упрочить ее, прежде чем идти дальше. Некоторые из полученных мною писем свидетельствуют, что есть немало людей, которым трудно понять, что же такое естественный закон, или нравственный закон, или правила порядочного поведения.

В этих письмах я, например, читаю: «Не является ли то, что Вы называете моральным законом, просто нашим стадным инстинктом, и не развился ли он так же, как все наши другие инстинкты?»

Что ж, не отрицаю, мы можем иметь стадный инстинкт; но это совсем не то, что я имею в виду под моральным законом. Мы все знаем, что значит чувствовать в себе побуждения инстинкта — будь то материнская любовь, или половой инстинкт, или чувство голода. Такой инстинкт означает, что вы испытываете сильное желание действовать определенным образом. И конечно, иногда мы испытываем сильное желание помочь другому человеку, и нет сомнений в том, что такое желание возникает в нас благодаря стадному инстинкту. Но почувствовать желание помочь совсем не то же самое, что чувствовать: ты должен помочь, хочешь этого или нет. Предположим, вы слышите крик о помощи от человека, находящегося в опасности. Вы, возможно, почувствуете при этом два желания: одно — помочь ему (в силу своего стадного инстинкта) и другое желание — держаться подальше от опасности (в силу инстинкта самосохранения). Однако в дополнение к этим двум импульсам вы обнаружите в себе третий, который говорит вам, что вы должны следовать тому импульсу, который толкает вас помочь, и должны подавить в себе желание убежать. Это побуждение, которое судит между двумя инстинктами, которое решает, какому инстинкту надо следовать, а какой подавишь, само не может быть ни одним из них. Вы могли бы, с таким же основанием сказать, что нотная страница, которая указывает, по какой клавише вам надо ударить в данный момент, сама

— одна из клавиш. Нравственный закон говорит нам, какую мелодию нам следует играть; наши инстинкты — только клавиши.

Есть еще один способ указать, что нравственный закон — это не просто один из

наших инстинктов. Если два инстинкта находятся в противоречии друг с другом и в разуме нашем нет ничего, кроме них, то, вполне очевидно, победил бы тот инстинкт, который сильнее. Однако в те моменты, когда мы особенно остро ощущаем воздействие этого закона, он словно бы подсказывает нам следовать тому из двух импульсов, который, наоборот, слабее. Вы, вероятно, гораздо больше хотите не рисковать собственной безопасностью, чем помочь человеку, который тонет; но нравственный закон тем не менее побуждает вас помочь тонущему. И, не правда ли, он часто говорит нам: попытайся активизировать свой правильный импульс, сделать его сильнее, чем он есть в своем естественном проявлении.

Я хочу этим сказать, что часто мы ощущаем потребность стимулировать свой стадный инстинкт, для чего пробуждаем в себе воображение и чувство жалости — настолько, чтобы у нас хватило духа сделать доброе дело. И конечно же, мы действуем не инстинктивно, когда стимулируем в себе эту потребность совершить добрый поступок. Голос внутри нас, который говорит: «Твой стадный инстинкт спит. Пробуди его», — не может сам принадлежать стадному инстинкту.

На этот вопрос можно взглянуть с третьей стороны. Если бы нравственный закон был одним из наших инстинктов, мы могли бы указать на определенный импульс внутри нас, который всегда был бы в согласии с правилом порядочного поведения. Но мы не находим в себе такого импульса. Среди всех наших импульсов нет ни одного, который нравственный закон никогда не имел бы оснований подавлять, и ни одного, который ему никогда не приходилось бы стимулировать. Было бы ошибкой считать, что некоторые из наших инстинктов — такие, к примеру, как материнская любовь или патриотизм, — правильны, хороши, а другие — такие, как половой или воинственный инстинкт, — плохи. Просто в жизни чаще сталкиваешься с обстоятельствами, когда следует обуздывать половой или воинственный инстинкт, чем с такими, когда приходится сдерживать материнскую любовь или патриотическое чувство. Однако при определенных ситуациях долг женатого человека — возбуждение полового импульса, долг солдата — возбуждение в себе воинственного инстинкта.

С другой стороны, встречаются обстоятельства, когда следует подавлять любовь матери к своим детям и любовь человека к своей стране; в противном случае это привело бы к несправедливости по отношению к детям других родителей и к народам других стран. Строго говоря, нет таких понятий, как хорошие и плохие импульсы. Вернемся снова к примеру с пианино. На клавиатуре нет двух различных видов клавиш — верных и неверных. В зависимости от того, когда какая нота взята, она прозвучит верно или неверно. Нравственный закон не есть некий отдельный инстинкт или какой-то набор инстинктов. Это нечто (назовите это добродетелью или правильным поведением), направляющее наши инстинкты, приводящее их в соответствие с окружающей жизнью.

Между прочим, это имеет серьезное практическое значение. Самая опасная вещь, на которую способен человек, — это избрать какой-то из присущих ему природных импульсов и следовать ему всегда, любой ценой. Нет у нас ни одного инстинкта, который не превратил бы нас в дьяволов, если бы мы стали следовать ему как некоему абсолютному ориентиру. Вы можете подумать, что инстинкт любви ко всему человечеству всегда безопасен. И ошибетесь. Стоит вам пренебречь справедливостью, как окажется, что вы нарушаете договоры и даете ложные показания в суде «в интересах человечества», а это в конце концов приведет к тому, что вы станете жестоким и вероломным человеком.

Некоторые люди в своих письмах задают мне такой вопрос: «Может быть, то, что Вы называете нравственным законом, на самом деле — общественное соглашение, которое становится нашим достоянием благодаря полученному образованию?» Я думаю, подобный вопрос возникает из-за неверного понимания некоторых вещей. Люди, задающие его, исходят из того, что если мы научились чему-то от родителей или учителей, то это «что-то» — непременно человеческое изобретение. Однако это совсем не

так. Все мы учим в школе таблицу умножения. Ребенок, который вырос один на заброшенном острове, не будет знать этой таблицы. Но из этого, конечно, не следует, что таблица умножения

— всего лишь человеческое соглашение, нечто изобретенное людьми для себя, что они могли бы изобрести и на иной лад, если бы захотели. Я полностью согласен с тем, что мы учимся правилу порядочного поведения от родителей, учителей, друзей и из книг, точно так же как мы учимся всему другому. Однако только часть этих вещей, которым мы учимся, просто условные соглашения, и они действительно могли бы быть изменены; например нас учат держаться правой стороны дороги, но мы с таким же успехом могли бы пользоваться правилом левостороннего движения. Иное дело — такие правила, как математические. Их изменить нельзя, потому что это реальные, объективно существующие истины.

Вопрос в том, к какой категории правил относится естественный закон. Существуют две причины, говорящие за то, что он принадлежит к той же категории, что и таблица умножения. Первая, как я сказал в первой главе, заключается в том, что, несмотря на различный подход к вопросам морали в разных странах и в разные времена, эти различия несущественны. Они совсем не так велики, как некоторые люди себе представляют. Всегда и везде представления о морали исходили из одного и того же закона. Между тем простые (или условные) соглашения, подобные правилам уличного движения или покрою одежды, могут отличаться друг от друга безгранично.

Вторая причина состоит в следующем. Когда вы думаете об этих различиях в нравственных представлениях разных народов, не приходит ли вам в голову, что мораль одного народа, лучше (или хуже) морали другого народа? Не способствовали ли бы ее улучшению некоторые изменения? Если нет, тогда, конечно, не могло быть никакого, прогресса морали. Ведь прогресс означает не просто изменения, а изменения к лучшему. Если бы ни один из кодексов морали не был вернее или лучше другого, то не было бы смысла предпочитать мораль цивилизованного общества морали дикарей или мораль христиан морали нацистов.

На самом деле мы все, конечно, верим, что одна мораль лучше, правильнее, чем другая. Мы верим, что люди, которые пытались изменить моральные представления своего времени, которые были так называемыми реформаторами, лучше понимали значение нравственных принципов, чем их ближние. Ну что ж, хорошо. Однако в тот самый момент, когда вы заявляете, что один моральный кодекс лучше другого, вы мысленно прилагаете к ним некий стандарт и делаете вывод, что вот этот кодекс более соответствует ему, чем тот.

Однако стандарт, который служит вам мерилom двух каких-то вещей, сам должен отличаться от них обеих. В данном случае вы, таким образом, сравниваете эти кодексы морали с некоей истинной моралью, признавая тем самым, что такая вещь, как истинная справедливость, действительно существует, независимо от того, что думают люди, и от того, что идеи одних более соответствуют этой истинной справедливости, чем идеи других. Или давайте посмотрим на это с другой стороны. Если ваши моральные представления могут быть более правильными, а моральные представления нацистов — менее правильными, то тогда должно существовать нечто — какая-то истинная моральная норма, — которая может служить мерилom верности или неверности тех или иных взглядов. Причина, почему ваше представление о Нью-Йорке может быть вернее или, напротив, неправильнее моего, заключается в том, что Нью-Йорк — это реально существующее место и он существует независимо от того, что любой из нас думает о нем. Если бы каждый из нас, говоря «Нью-Йорк», подразумевал просто «город, который я себе вообразил», как могли бы представления одного из нас о нем быть вернее, чем представления другого? Тогда не могло бы быть и речи о чьей-то правоте или чьем-то заблуждении. Точно так же, если бы правило порядочного поведения просто подразумевало «все, что ни одобрит данный народ», не было бы никакого смысла

утверждать, что один народ справедливее в своих оценках, чем другой. Не имело бы смысла говорить о том, что мир может улучшаться или ухудшаться в моральном отношении.

Таким образом, я могу сделать заключение, что, хотя различия между понятиями людей о порядочном поведении часто заставляют нас сомневаться, существует ли вообще такая вещь, как истинный закон поведения, тот факт, что мы склонны задумываться об этих различиях, доказывает, что он существует.

Перед тем как я закончу, позвольте мне сказать еще несколько слов. Я встречал людей, которые преувеличивали упомянутые расхождения, потому что не видели разницы между различиями в нравственных представлениях и в понимании определенных фактов или представлении о них. Например, один человек сказал мне: «Триста лет тому назад в Англии убивали ведьм. Было ли это проявлением того, что Вы называете естественным законом, или законом правильного поведения?» Но ведь мы не убиваем ведьм сегодня потому, что мы не верим в их существование. Если бы мы верили — если бы мы действительно думали, что вокруг нас существуют люди, продавшие душу дьяволу и получившие от него взамен сверхъестественную силу, которую они используют для того, чтобы убивать своих соседей, или сводить их с ума, или вызывать плохую погоду, — мы все безусловно согласились бы, что, если кто-нибудь вообще заслуживает смертной казни, так это они, эти нечестивые предатели. В данном случае нет различия в моральных принципах: разница заключается только во взгляде на факт.

То обстоятельство, что мы не верим в ведьм, возможно, свидетельствует о большом прогрессе в области человеческого знания: прекращение судов над ведьмами, в существование которых мы перестали верить, нельзя рассматривать как прогресс в области морали. Вы не называли бы человека, который перестал расставлять мышеловки, гуманным, если бы знали: он просто убедился, что в его доме нет мышей.

РЕАЛЬНОСТЬ ЗАКОНА

Теперь я вернусь к тому, что сказал в конце первой главы о двух любопытных особенностях, присущих человечеству. Первая состоит в том, что людям свойственно думать, что они должны соблюдать определенные правила поведения, иначе говоря, правила честной игры, или порядочности, или морали, или естественного закона.

Вторая заключается в том, что на деле люди эти правила не соблюдают. Кое-кто может спросить, почему я называю такое положение вещей странным. Вам оно может казаться самым естественным положением в мире. Возможно, вы думаете, что я слишком строг к человеческому роду. В конце концов, можете сказать вы, то, что я называю нарушением закона добра и зла, просто свидетельствует о несовершенстве человеческой природы. И собственно говоря, почему я ожидаю от людей совершенства? Такая реакция была бы правильной, если бы я пытался точно подсчитать, насколько мы виновны в том, что сами поступаем не так, как, с нашей точки зрения, должны поступать другие. Но мое намерение состоит совсем не в этом. В данный момент меня вовсе не интересует вопрос вины: я стараюсь найти истину. И с этой точки зрения сама идея о несовершенстве, о том, что мы — не те, чем следовало бы быть, ведет к определенным последствиям.

Какой-нибудь предмет, например камень или дерево, есть то, что он есть, и не имеет смысла говорить, что он должен быть другим. Вы, конечно, можете сказать, что камень имеет «неправильную» форму, если вы собирались использовать его для декоративных целей в саду, или что это — «плохое дерево», потому что оно не дает вам достаточно тени. Но под этим вы только подразумевали бы, что этот камень или то дерево не подходят для ваших целей. Вы не станете, разве только шутки ради, винить их за это. Вы знаете, что из-за погоды и почвы ваше дерево просто не могло быть другим. Так что «плохое» оно потому, что подчиняется законам природы точно так же, как и «хорошее» дерево.

Вы заметили, что из этого следует? Из этого следует, что то, что мы обычно называем законом природы, например влияние природных условий на формирование дерева, возможно, и нельзя называть законом в строгом смысле этого слова. Ведь говоря, что падающие камни всегда подчиняются закону тяготения, мы, в сущности, подразумеваем, что «камни делают так всегда». Не думаете же вы, в самом деле, что, когда камень выпускают из рук, он вдруг вспоминает, что имеет приказ лететь к земле. Вы просто имеете в виду, что камень действительно падает на землю. Иными словами, вы не можете быть уверены, что за этими фактами скрывается что-то, помимо самих фактов, какой-то закон о том, что должно случиться, в отличие от того, что действительно случается.

Законы природы, применительно к камням и деревьям, лишь констатируют то, что в природе фактически происходит. Но когда вы обращаетесь к естественному закону, к закону порядочного поведения, вы сталкиваетесь с чем-то совсем иным. Этот закон, безусловно, не означает «того, что человеческие существа действительно делают», потому что, как я говорил раньше, многие из нас не подчиняются этому закону совсем и ни один из нас не подчиняется ему полностью. Закон тяготения говорит вам, что сделает камень, если его уронить; закон же нравственный говорит о том, что человеческие существа должны делать и чего не должны. Иными словами, когда вы имеете дело с людьми, то, помимо простых фактов, подлежащих констатации, сталкиваетесь с чем-то еще, с какой-то привходящей движущей силой, стоящей над фактами. Перед вами факты (люди ведут себя так-то). Но перед вами и нечто еще (им следовало бы вести себя так-то). Во всем, что касается остальной Вселенной (помимо человека), нет необходимости ни в чем другом, кроме фактов. Электроны и молекулы ведут себя определенным образом, из чего вытекают определенные результаты, и этим, возможно, все исчерпывается. (Впрочем, я не думаю, что об этом свидетельствуют доводы, которыми мы располагаем на данном этапе). Однако люди ведут себя определенным образом, и этим, безусловно, ничто не исчерпывается, так как вы знаете, что они должны вести себя иначе.

Все это настолько странно, что люди стараются объяснить это так или иначе. Например, мы можем придумать такое объяснение: когда вы заявляете, что человек не должен вести себя так, как он себя ведет, вы подразумеваете то же самое, что в случае с камнем, когда говорите, что у него неправильная форма, а именно, что поведение этого человека причиняет вам неудобство. Однако такое объяснение было бы совершенно неверным. Человек, занявший угловое сиденье в поезде потому, что он пришел туда первым, и человек, который проскользнул на это угловое место, сняв с него ваш портфель, когда вы повернулись к нему спиной, причинили вам одинаковое неудобство. Но второго вы обвиняете, а первого — нет. Я не сержусь — может быть, лишь несколько мгновений, пока не успокоюсь, — когда какой-нибудь человек случайно подставит мне ножку. Но прихожу в негодование, когда кто-то хочет подставить мне ножку умышленно, даже если это ему не удастся. Между тем первый доставил мне неприятное мгновение, а второй — нет.

Иногда поведение, которое я считаю плохим, совсем не вредит мне лично, даже наоборот. Во время войны каждая сторона рада воспользоваться услугами предателя со стороны противника. Но и пользуясь его услугами, даже оплачивая их, обе стороны смотрят на предателя как на подонка. Поэтому вы не можете определить поведение других людей как порядочное, руководствуясь лишь критерием полезности этого поведения для вас лично. Что же касается нашего собственного порядочного поведения, то, я думаю, никто из нас не рассматривает его как поведение, которое приносит нам выгоду. Порядочно себя вести — это довольствоваться тридцатью шиллингами, когда вы могли бы получить три фунта; это честно выполнить свое школьное домашнее задание, когда можно было бы легко обмануть учителя; это оставить девушку в покое, вместо того чтобы воспользоваться ее слабостью; это не бежать из опасного места, заботясь о собственной безопасности; это сдерживать свои обещания, когда проще было бы забыть о

них; это говорить правду, даже если в глазах других вы выглядите из-за этого дураком.

Некоторые люди говорят, что, хотя порядочное поведение не обязательно приносит выгоду данному человеку в данный момент, оно в конечном счете приносит выгоду человечеству в целом. И что, следовательно, ничего загадочного в этом нет. Люди, в конце концов, обладают здравым смыслом. Они понимают, что могут быть счастливыми или чувствовать себя в подлинной безопасности лишь в таком обществе, где каждый ведет честную игру. Именно поэтому они и стараются вести себя порядочно. Не вызывает, конечно, сомнения, что секрет безопасности и счастья лишь в честном, справедливом и доброжелательном отношении друг к другу со стороны как отдельных людей и групп, так и целых народов. Это одна из наиважнейших в мире истин. И тем не менее мы обнаруживаем в ней слабое место, когда пытаемся объяснить ею свой подход к проблеме добра и зла.

Если мы, спрашивая: «Почему я не должен быть эгоистом?», получаем ответ: «Потому что это хорошо для общества», то за этим может возникнуть новый вопрос: «Почему я должен думать о том, что хорошо для общества, если это не приносит никакой пользы мне лично?» Но на этот вопрос возможен лишь один ответ: «Потому что ты не должен быть эгоистом». Как видите, мы пришли к тому же, с чего начали. Мы лишь констатируем то, что является истиной. Если бы человек спросил вас, ради чего играют в футбол, то ответ «для того, чтобы забивать голы» едва ли был бы удачным. Ибо в забивании голов и состоит сама игра, а не ее причина. Ваш ответ просто значал бы, что «футбол есть футбол», и это, безусловно, верно, но стоит ли говорить об этом?

Точно так же, если человек спрашивает, какой смысл вести себя порядочно, бессмысленно отвечать ему: «Для того, чтобы принести пользу обществу». Так как стараться «принести пользу обществу», иными словами, не быть эгоистом, себялюбцем (потому что общество, в конечном итоге, означает «других людей»), это и значит быть порядочным, бескорыстным человеком.

Ведь бескорыстие является составной частью порядочного поведения. Таким образом, вы фактически говорите, что порядочное поведение — это порядочное поведение. С равным успехом вы могли бы остановиться на заявлении: «Люди должны быть бескорыстными».

Именно здесь хочу остановиться и я. Люди должны быть бескорыстными, должны быть справедливыми. Это не значит, что они бескорыстны или что им нравится быть бескорыстными; это значит, что они должны быть такими. Нравственный закон, или естественный закон, не просто констатирует факт человеческого поведения, подобно тому как закон тяготения констатирует факт поведения тяжелых объектов при падении. С другой стороны, этот естественный закон и не просто выдумка, потому что мы не можем забыть о нем. А если бы мы о нем забыли, то большая часть из того, что мы говорим и думаем о людях, обратилась бы в бессмыслицу. И это не просто заявление о том, как хотелось бы нам, чтобы другие вели себя ради нашего удобства. Потому что так называемое плохое или нечестное поведение не совсем и не всегда соответствует поведению, неудобному для нас. Иногда оно, наоборот, нам удобно. Следовательно, это правило добра и зла, или естественный закон, или как бы иначе мы ни назвали его, должно быть некоей реальностью, чем-то, что объективно существует, независимо от нас.

Однако это правило, или закон, не объективный факт в обычном смысле слова, такой, как, например, факт нашего поведения. И это наводит нас на мысль о некоей иной реальности, о том, что в данном конкретном случае за обычными фактами человеческого поведения скрывается нечто вполне определенное, царящее над ними, некий закон, которого никто из нас не составлял и который тем не менее воздействует на каждого из нас.

ЧТО СКРЫВАЕТСЯ ЗА ЗАКОНОМ

Давайте подведем итог тому, что мы выяснили на данный момент. В случае с камнями, деревьями и подобными им вещами так называемый закон природы — не более чем оборот речи. Говоря, что природа подчиняется определенным законам, вы лишь подразумеваете, что она ведет или проявляет себя определенным образом.

Так называемые законы не могут быть законами в полном смысле этого слова, то есть чем-то, стоящим над явлениями природы, которые мы наблюдаем. Но в случае с человеком дело обстоит иначе. Закон человеческой природы или закон добра и зла должен быть чем-то таким, что стоит над фактами человеческого поведения. И в этом случае, помимо фактов, мы имеем дело с чем-то еще — с законом, который мы не изобрели, но которому, мы знаем, мы должны следовать.

А сейчас я хочу разобраться, что говорит нам это открытие о Вселенной, в которой мы живем. С того момента, когда люди научились мыслить, они стали задумываться о том, что представляет из себя Вселенная и как она произошла. В самых общих чертах на этот счет существуют две точки зрения. Первая — это так называемая материалистическая точка зрения. Люди, которые разделяют ее, считают, что материя и пространство просто существуют, они существовали всегда и никто не знает почему; что материя, которая ведет себя определенным, раз и навсегда установленным образом, случайно ухитрилась произвести такие создания, как мы с вами, способные думать. По какому-то счастливому случаю, вероятность которого ничтожно мала, что-то ударило по нашему солнцу, и от него отделились планеты, и в силу другой такой же случайности, вероятность которой не выше, чем вероятность предыдущей, на одной из этих планет возникли химические элементы, необходимые для жизни, плюс необходимая температура, и, таким образом, часть материи на этой планете ожила, а затем, пройдя через длинную серию случайностей, живые существа развились в такие высокоорганизованные, как мы с вами.

Вторая точка зрения — религиозная. Согласно ей, источник происхождения видимой Вселенной следует искать в каком-то разуме (скорее, чем в чем-либо другом). Этот разум обладает сознанием, имеет свои цели и отдает предпочтение одним вещам перед другими. С религиозной точки зрения именно этот разум и создал Вселенную, частично ради каких-то целей, о которых мы не знаем, а частично и для того, чтобы произвести существа, подобные себе самому, я имею в виду — наделенные, подобно ему, разумом. Пожалуйста, не подумайте, что одна из этих точек зрения бытовала давным-давно, а другая постепенно вытеснила ее. Всюду, где когда-либо жили мыслящие люди, существовали они обе. И заметьте еще одну вещь. Вы не можете установить, какая из этих двух теорий правильна с научной точки зрения. Наука ведь действует путем экспериментов. Она наблюдает, как ведут себя предметы, материалы, элементы и т.п. Любое научное заявление, каким бы сложным оно ни казалось, сводится в конечном счете к следующему: «Я направил телескоп на такую-то часть неба в 2.20 ночи 15 января и увидел то-то и то-то». Или: «Я положил некоторое количество этого вещества в сосуд, нагрел до такой-то температуры, и получилось то-то и то-то». Не подумайте, что я имею что-нибудь против науки. Я только поясню, как она действует. И чем человек ученее, тем скорее (я надеюсь) он согласится со мной, что именно в этом и состоит наука, именно в этом польза ее и необходимость. Но почему все эти объекты, которые изучает наука, существуют вообще и стоит ли за этими объектами нечто совершенно от них отличное — вовсе не вопрос науки. Если за всей обозреваемой нами действительностью «нечто» существует то оно либо останется неизвестным для людей, либо даст им знать о себе каким-то особым путем. Заявления же о том, что это «нечто» существует, либо, наоборот, не существует, в компетенцию науки не входят. И настоящие ученые обычно подобных заявлений не делают. Чаще с ними выступают журналисты и авторы популярных романов, нахватавшиеся непроверенных научных данных из учебников. В конечном счете простой здравый смысл говорит нам: предположим, когда-нибудь наука станет настолько

совершенной, что постигнет каждую частицу Вселенной; не ясно ли, что на вопросы «Почему существует Вселенная?», «Почему она ведет себя так, а не иначе?» и «Есть ли какой-нибудь смысл в ее существовании?» тогда, как и теперь, ответа не будет.

Положение было бы совершенно безнадежным, если бы не одно обстоятельство. Во Вселенной есть одно существо, о котором мы знаем больше, чем могли бы узнать о нем только благодаря наблюдениям извне. Это существо

— человек. Мы не просто наблюдаем за людьми, мы сами — люди. В данном случае мы располагаем так называемой внутренней информацией. И благодаря этому нам известно, что люди чувствуют себя подвластными какому-то моральному закону, которого они не устанавливали, но о котором не могут забыть, как бы ни старались, и которому, они знают, следует подчиняться. Обратите внимание вот на что: всякий, кто стал бы изучать человека со стороны, как мы изучаем электричество или капусту, не зная нашего языка и, следовательно, не имея возможности получить от нас внутреннюю информацию, — из простого наблюдения за нашим поведением никогда не пришел бы к выводу, что у нас есть нравственный закон. Да и как он мог бы прийти к нему? Ведь его наблюдения показывали бы ему только то, что мы делаем, а нравственный закон говорит о том, что мы должны делать. Точно так же если бы что-то скрывалось или стояло за доступными нашему наблюдению фактами в случае с камнями или погодой, то мы, наблюдая их со стороны, и надеяться не могли бы обнаружить это «что-то».

Вопрос, таким образом, становится в другую плоскость. Мы хотим знать, стала ли Вселенная тем, что она есть, случайно, сама по себе, без какой бы то ни было причины, или за этим стоит какая-то сила, которая делает Вселенную именно такой. Поскольку эта сила, если она существует, не может быть одним из наблюдаемых фактов, но является реальностью, которая эти факты создает, простое наблюдение за ними ее не обнаружит. Только одно единственное явление наводит на мысль о существовании «чего-то», помимо наблюдаемых фактов, и это явление — мы сами. Лишь в нашем собственном случае мы видим: это «что-то» существует.

Давайте посмотрим на ситуацию с другой стороны. Если бы за пределами Вселенной существовала какая-то контролирующая сила, она не могла бы показать себя нам в виде одного из внутренних элементов, присущих Вселенной, как архитектор, по проекту которого сооружен дом, не мог бы быть стеной, лестницей или камином в этом доме. Единственное, на что мы могли бы надеяться, это то, что сила эта проявит себя внутри нас в форме определенного влияния или приказа, стараясь направить наше поведение в определенное русло. Но именно такое влияние мы и находим внутри себя. Не правда ли, такое открытие должно было бы пробудить наши подозрения? Единственный случай, когда мы могли бы надеяться на получение ответа, дает нам ответ положительный; а в других случаях, где мы не получаем ответа, мы видим, почему не можем его получить.

Предположим, кто-то спросил меня: «Почему, когда вы видите человека в синей униформе, идущего вдоль по улице и оставляющего маленькие бумажные пакеты у каждого дома, вы предполагаете, что эти пакеты содержат письма?» Я бы ответил: «Потому что всякий раз, когда он оставляет подобный бумажный пакет для меня, я нахожу в нем письмо». И если бы этот человек возразил: «Но вы же никогда не видели тех писем, которые, по вашему мнению, получают другие люди», на это я бы ответил: «Конечно нет, ведь они не мне адресованы, я догадываюсь о содержимом пакетов, которые мне не разрешается открывать, по аналогии с тем пакетом, который я могу открыть».

Точно так же обстоит дело с нашим вопросом. Единственный пакет, который мне разрешается открыть, это человек. И когда я это делаю, особенно когда открываю одного конкретного человека, которого называю «Я», то обнаруживаю, что я не существую сам по себе, что я подвластен какому-то закону; что-то или кто-то желает, чтобы я вел себя определенным образом. Я, конечно, не думаю, что если бы мне удалось проникнуть внутрь камня или дерева, то я нашел бы там точно то же самое, точно так же, как я не

думаю, что все остальные люди на этой улице получают такие же письма, как я. Я мог бы, например, надеяться обнаружить, что камень обязан подчиняться закону тяготения. «Отправитель писем» просто говорит мне, чтобы я подчинялся закону моей человеческой природы, тогда как камень он заставляет подчиняться законам его природы. Но мне следовало бы при этом ожидать, что в обоих случаях действует «отправитель писем», сила, стоящая за фактами. Начальник жизни, ее Руководитель.

Не подумайте, пожалуйста, что я иду быстрее, чем я иду на самом деле. Я и на сто километров не подошел еще к Богу, каким трактует Его христианская теология. Все, что я выразил до сих пор, сводится к следующему: существует нечто, руководящее Вселенной и проявляющееся во мне в виде закона, который побуждает меня творить добро и испытывать угрызения совести за содеянное мною зло. Я думаю, нам следует предположить, что эта сила скорее подобна разуму, чем чему-нибудь иному, потому что в конечном счете, единственное, что мы знаем помимо разума, — это материя. Но едва ли можно вообразить себе кусок материи, дающий указания. Впрочем, вряд ли эта сила точно соответствует разуму в нашем понимании; пожалуй, еще меньше соответствует она человеческой личности.

Посмотрим, удастся ли нам в следующей главе узнать немного больше об этой силе. Но одно слово предостережения: в последнее столетие появилось немало слишком вольных фантазий на тему о Боге. Я решительно не собираюсь предлагать вам нечто подобное.

Примечание. Для того чтобы данный раздел вышел достаточно кратким и пригодным для радиопередач, я упомянул только материалистическую и религиозную точки зрения. Но для полноты картины мне следовало бы упомянуть о промежуточной точке зрения, так называемой философии «жизненной силы», или о творческой эволюции. Наиболее остроумно философия эта представлена у Бернарда Шоу, но глубже всего она освещена в трудах Бергсона. Люди, придерживающиеся этой философии, полагают, что небольшие изменения, в результате которых жизнь на нашей планете эволюционировала от ее низших форм до человека, не были случайными, но направлялись «целеустремленной» силой жизни.

Когда люди говорят о такой силе, мы вправе спросить их, обладает ли эта сила, по их мнению, разумом. Если да, то «разум, породивший жизнь и ведущий ее к совершенству», — это просто Бог. Таким образом, эта точка зрения уподобляется религиозной.

Если же они полагают, что сила эта лишена разума, то как могут они утверждать, будто «нечто», не обладающее разумом, к чему-то «стремится» или имеет какую-то «цель»? Не фатальна ли такая логика для их точки зрения? Идея творческой эволюции очень многих привлекает тем, что она не лишает удовольствия верить в Бога, но в то же время освобождает человека от не очень приятных последствий, вытекающих из Его существования. Когда у вас прекрасное здоровье, и солнце сияет, и вы не хотите думать о том, что вся Вселенная — лишь механический танец атомов, приятно поразмышлять о великой таинственной силе, которая струится через века, неся вас на себе. Если, с другой стороны, вы хотите сделать что-то бесчестное, то сила жизни, будучи слепой, лишенной разума и нравственных понятий, не станет вмешиваться в ваши намерения, как вмешивается тот назойливый бог, про которого нам рассказывали в детстве. Сила жизни — это своего рода ручной, укрощенный бог.

Вы можете настроиться на его волну, когда у вас появится желание, но сам он тревожить вас не станет. Словом, при вас остаются все удовольствия от религии, а платить ни за что не надо. Поистине, эта теория — величайшее достижение нашей склонности принимать желаемое за действительное!

У НАС ЕСТЬ ОСНОВАНИЕ ДЛЯ БЕСПОКОЙСТВА

Я закончил последнюю главу той мыслью, что с помощью нравственного закона кто-то или что-то за пределами материальной Вселенной наступает на нас. И я подозреваю, что когда я дошел до этого пункта, некоторые из вас почувствовали определенное беспокойство. Вы даже могли подумать, что я сыграл с вами злую шутку, что я старательно маскировал религиозное «нравоучение», чтобы сделать его похожим на философию. Быть может, вы готовы были слушать меня до тех пор, пока думали, что я собираюсь сказать что-то новое; но если это «новое» обернулось просто-напросто религией — что ж, мир уже испробовал это, и вы не можете повернуть время вспять. Если кто-нибудь из вас испытывает подобные чувства, мне хотелось бы сказать такому человеку три вещи.

Первое — относительно поворота времени вспять. Подумали бы вы, что я шучу, если бы я сказал, что надо бы перевести стрелки часов? Ведь когда часы идут неверно, такая мера зачастую разумна. Но оставим пример с часами и стрелками. Все мы стремимся к прогрессу. Однако прогресс означает приближение к тому месту, к той точке, которую вы хотите достигнуть. И если мы повернули не в ту сторону, то продвижение вперед не приблизит нас к цели. Прогрессом в этом случае был бы поворот на 180 градусов и возвращение на правильную дорогу; а самым прогрессивным человеком окажется тот, который скорее повернет назад. Мы все могли убедиться в этом, когда занимались арифметикой. Если я с самого начала неправильно произвел сложение, то чем скорее я признаю это и вернусь назад, чтобы все начать сызнова, тем скорее найду правильный ответ. В ослином же упрямстве, в отказе признать свою ошибку нет ничего прогрессивного.

Если вы задумаетесь над современным состоянием мира, вам станет совершенно ясно, что человечество совершает великую ошибку. Мы все — на неверном пути. А если это так, то всем нам необходимо вернуться назад. Возвращение назад — это скорейший путь вперед.

Второе: заметьте, что мои рассуждения — еще не совсем религиозное «нравоучение». Мы еще далеки от Бога какой-либо конкретной религии, тем более от Бога религии христианской. Мы лишь подошли к кому-то или чему-то, что стоит за моральным законом. Мы не прибегаем пока ни к Библии, ни к тому, о чем говорится в Церкви; мы стараемся понять, не можем ли мы узнать что-либо об этом таинственном «Некто» своими собственными силами. И тут я со всей откровенностью хочу сказать: то, что мы обнаруживаем, действует на нас, как шок. Два факта свидетельствуют об этом «Некто».

Первый — созданная Им Вселенная. Если бы Вселенная была единственным свидетельством о Нем, то из наблюдения за ней мы должны были бы сделать вывод, что Он, этот загадочный «Некто» — великий художник (потому что Вселенная воистину прекрасна). Но в то же время мы вынуждены были бы признать, что Он безжалостен и враждебен к людям (потому что Вселенная — очень опасное место, внушающее неподдельный ужас).

Второй факт, указывающий на Его существование, — это нравственный закон, который Он вложил в наш разум. И это второе свидетельство более ценно, нежели первое, поскольку оно дает нам информацию внутреннего характера. Из нравственного закона вы больше узнаете о Боге, чем из наблюдения за Вселенной, точно так же как вы больше узнаете о человеке, слушая, как и что он говорит, нежели созерцая построенный им дом.

На основании этого второго факта мы делаем заключение, что Существо, пребывающее за видимой Вселенной, горячо заинтересовано в правильном поведении людей, в их «честной игре», в бескорыстии их, храбрости, искренней вере, честности и правдивости. В свете этого нам приходится согласиться с утверждением христианства и некоторых других религий, что Бог добр. Но не будем спешить. Нравственный закон не дает нам никаких оснований считать, что Бог добр в том смысле, что Он снисходителен,

мягок, благожелателен.

В нравственном законе не чувствуется никакой снисходительности. Он тверд как алмаз. Он приказывает идти прямыми путями и, кажется, вовсе не заботится о том, насколько болезненно, опасно или трудно следовать этому приказу. Если Бог таков же, как этот нравственный закон, то Он едва ли мягок.

На данном этапе нам нет смысла говорить, что под «добрым» Богом мы понимаем такого Бога, который способен прощать. Ведь прощать способна только личность. Но мы еще не вправе утверждать, что Бог — личность. Пока мы пришли к заключению, что сила, которая скрывается за нравственным законом, скорее похожа на разум, чем на что-то другое. Но это еще не значит, что эта сила должна быть личностью. Если это просто безличный, бесчувственный разум, то, вероятно, нет смысла просить его о помощи или о по блажке, как не имело бы смысла просить таблицу умножения простить вас за неправильный счет. Неверного ответа вам в этом случае не избежать. И бесполезно говорить, что если Бог таков, если Он — безличное абсолютное добро, то Он вам не нравится и вы не собираетесь обращать на Него внимания. Бесполезно это, потому что одна часть вас самого стоит на стороне этого Бога и искренне соглашается с Его осуждением человеческой жестокости, жадности, бесчестности и корысти. Вы, быть может, хотели бы, чтобы Он был снисходительнее на этот раз. Но в глубине души вы сознаете, что, если сила, стоящая за Вселенной, не будет безоговорочно обличать недостойное поведение, она перестанет быть добром. С другой стороны, мы знаем: если существует абсолютное добро, оно должно ненавидеть большую часть того, что мы с вами делаем.

Вот в каком ужасном, безвыходном положении оказываемся мы с вами. Если Вселенной не правит абсолютное добро, то все наши усилия в конечном счете напрасны. Если же абсолютное добро все-таки правит Вселенной, то мы ежедневно бросаем ему враждебный вызов, и непохоже на то, чтобы завтра мы стали сколько-нибудь лучше, чем сегодня. Таким образом, и в этом случае наша ситуация безнадежна. Мы не можем жить без этого добра, и не можем жить в согласии с ним.

Бог — наше единственное утешение, и ничто не вызывает в нас большего ужаса, чем Он: в Нем мы сильнее всего нуждаемся и от Него же больше всего хотим спрятаться. Он — наш единственный возможный союзник, а мы сделали себя Его врагами. Послушать некоторых людей, так встреча лицом к лицу с абсолютным добром — одно удовольствие. Им следовало бы хорошенько задуматься; они все еще играют в религию. Надмирная доброта несет с собой либо великое облегчение, либо — величайшую опасность, в зависимости от того, как вы ей отвечаете. А мы с вами отвечаем неправильно.

Теперь я подошел к третьему пункту. Избирая этот окольный путь, чтобы подойти к тому предмету, который меня действительно интересует, я не хотел разыгрывать вас. Я избрал его вот по какой причине: всякий разговор о христианстве лишен смысла для людей, не познакомившихся предварительно с фактами, которые я описал выше. Христианство призывает людей покаяться, чтобы получить прощение. Ему нечего (насколько мне известно) сказать тем людям, которые не знают за собой ничего такого, в чем следует покаяться, и которые не чувствуют, что нуждаются в прощении. Только после того, как вы осознаете, что нравственный закон действительно существует, как существует и сила, стоящая за ним, и что вы нарушили этот закон и повели себя неверно в отношении этой силы, — только тогда, и ни секундой раньше, христианство станет обретать для вас смысл.

Когда вы знаете, что больны, вы следуете советам доктора. Когда вы осознаете всю безысходность вашего положения, вы начнете понимать, о чем говорят христиане, потому что они предлагают объяснение нашим обстоятельствам: как это случилось, что мы одновременно ненавидим добро и любим его. Они предлагают объяснение того, каким образом Бог может быть безличным разумом, стоящим за нравственным законом, и в то же самое время Личностью. Они говорят вам, как невыполнимые для нас требования

закона были выполнены за нас, как Бог Сам стал человеком, чтобы спасти человека от Божьего осуждения. Это старая история, и, если вы пожелаете углубиться в нее, вы, несомненно, обратитесь к тем, кто более компетентен, чем я. Все, чего я прошу от вас, — это взглянуть в лицо фактам, чтобы понять вопросы, на которые христианство предлагает ответы. И это — пугающие факты. Я хотел бы сказать что-нибудь более радужное; но должен говорить то, что считаю правдой. Я, конечно, целиком согласен с тем, что христианская религия, в конечном счете — источник несказанного утешения. Но начинается она не с утешения. Она начинается с тревоги и смятения, которые я описал выше, и не имела бы смысла попытка прийти к этому утешению, минуя стадию тревоги. В религии — как на войне, как в других ситуациях: покой (утешение) нельзя обрести, если искать только его. Вот если вы будете искать истину, то, возможно, в конце концов обретете и покой; а если все ваши поиски направлены на покой, вы не найдете ни его, ни истины. Все, что вы найдете, — это пустые речи да помышления, которые будут вам казаться истиной в начале пути, в конце же его вас ждет безнадежное отчаяние. В большинстве своем мы излечились от предвоенных розовых мечтаний о согласованной международной политике. Настало время излечиться от них и в религии.

Книга II. ВО ЧТО ВЕРЯТ ХРИСТИАНЕ

ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ПОНЯТИЯ О БОГЕ

Меня попросили рассказать вам, во что верят христиане. Я начну с рассказа о том, во что им не нужно верить. Если вы христианин, вы не обязаны верить, что все остальные религии неверны от начала до конца. Если вы атеист, вам приходится верить, что в основе всех религий мира кроется одна гигантская ошибка. Если вы христианин, вы свободны думать, что все религии, в том числе самые странные, содержат хотя бы крупинку истины. Когда я был атеистом, я пытался убедить себя, что человечество в большинстве своем всегда заблуждалось в вопросе, который имеет для него наиважнейшее значение; став христианином, я обрел способность взглянуть на вещи с более либеральной точки зрения. Но безусловно, быть христианином — значит не сомневаться, что всюду, где христианство расходится во взглядах с другими религиями, христианство право, а другие религии ошибаются. Как в арифметике: возможен лишь один правильный ответ на задачу, все остальные — неверны; по некоторые из неверных ответов ближе к верному, чем другие.

Человечество делится на две основные группы: на большинство, которое верит в какого-то Бога или богов, и на меньшинство, которое не верит в Бога вообще. Христианство, естественно, относится к большинству — оно в одном лагере с древними римлянами, современными дикарями, стоиками, платониками, индусами, магометанами и т. п., против современного западноевропейского материализма.

Но существует разделение между людьми, верующими в Бога. К нему я перехожу теперь. Сводится оно к тому, в каких богов люди верят. И здесь — два очень разных подхода. Одни полагают, что Бог стоит над добром и злом. Мы, люди, называем одну вещь хорошей, а другую — плохой. Но, по мнению некоторых, понятие «хорошего и плохого» существует только с нашей, человеческой, точки зрения. Такие люди говорят: по мере того, как вы возрастаете в мудрости, у вас все меньше и меньше желания называть что-то плохим или хорошим; вы видите, что все имеет хорошие и плохие стороны, и ничего тут нельзя изменить. В результате эти люди полагают, что задолго до того, как вы подойдете к божественной точке зрения, всякое различие между понятиями добра и зла исчезнет без следа. Мы называем рак злом, говорят они, потому что он убивает человека; но с таким же успехом можно назвать злом успешное вмешательство хирурга, потому что он убивает рак. Все зависит от точки зрения.

Другая, противоположная, точка зрения состоит в том, что Бог, совершенно определенно, — добрый и праведный, что Ему безразлично, какую сторону принять, что Он любит любовь и ненавидит ненависть и хочет, чтобы мы вели себя так, а не иначе. Первое из этих двух представлений — Бог пребывает за пределами добра и зла — называется пантеизмом. Эту идею разделял великий прусский философ Гегель; ее разделяют, насколько я понимаю, индуисты. Противоположный взгляд на Бога присущ евреям, магометанам, христианам.

За этим различием в представлениях о Боге между пантеизмом и христианством следует обычно другое. Пантеисты, как правило, верят, что Бог, так сказать, одушевляет Вселенную, как вы одушевляете свое тело; что Вселенная и есть почти то же самое, что Бог, и поэтому, если бы она не существовала, Он бы тоже не существовал, и все, что находится во Вселенной, — часть Бога. Христианство придерживается совершенно другой идеи. Христиане считают, что Бог задумал и создал Вселенную, как человек создает картину или мелодию. Картина — не то же самое, что художник, и художник не умрет, если его картины уничтожить. Вы можете сказать: «Он вложил часть самого себя в эту картину», но, говоря так, вы лишь подразумеваете, что вся красота и смысл этого произведения зародились у него в голове. Его мастерство, отразившееся в картине, не принадлежит ей в той же степени, в какой оно присуще его голове и рукам.

Я надеюсь, вы теперь видите, как одно различие между пантеизмом и христианством неизбежно влечет за собой другое. Если вы не принимаете всерьез различия между добром и злом, то очень легко придете к выводу, что все во Вселенной — часть Бога. Если же вы считаете, что некоторые дела и вещи действительно плохи, между тем как Бог плохим быть не может, подобная точка зрения неприемлема для вас. В таком случае вы должны верить, что Бог и мир — не одно и то же. Некоторые вещи, наблюдаемые нами в мире, противоречат Его воле. По поводу рака или трущоб пантеист может сказать: «Если бы вы могли видеть с Божественной точки зрения, вы бы поняли, что и это — Бог». Христианин ответит: «Что за мерзкая чушь!». Ведь христианство

— религия воинствующая. Христианство считает, что Бог сотворил мир — пространство и время, жар и холод, все цвета и все вкусовые ощущения, всех животных и все растения — и все это Бог придумал, как писатель придумывает сюжет. Но христианство, кроме того, считает: очень многое из того, что Бог сотворил, свернуло с пути, Богом предназначенного, и Бог настаивает, и настаивает очень решительно, чтобы именно мы вернули заблудшее на правильный путь.

Конечно, это влечет за собой очень серьезный вопрос. Если мир действительно сотворен добрым, справедливым Богом, почему он свернул на неправильный путь? Много лет я просто отказывался слушать, что отвечали христиане, потому что рассуждал так: «Что бы вы ни говорили, к каким бы аргументам ни прибегали, не проще и не легче ли просто признать, что мир не создан разумной силой? А может, все ваши аргументы — просто сложная попытка уйти от очевидного?» И тут я столкнулся с другой трудностью.

Мой аргумент против существования Бога сводился к тому, что Вселенная мне казалась слишком жестокой и несправедливой. Однако как пришла мне в голову сама идея справедливости и несправедливости? Человек не станет называть линию кривой, если не имеет представления о прямой линии. С чем сравнивал я Вселенную, когда называл ее несправедливой? Если все на свете, от «А» до «Я», плохо и бессмысленно, то почему я сам, частица этого «всего», с такой страстью возмущаюсь? Человек чувствует себя мокрым, когда падает в воду, потому что человек не водяное животное: рыба не чувствует себя мокрой. Я, конечно, мог бы отказаться от объективной значимости моего чувства справедливости, сказав себе, что это — лишь мое чувство. Но если бы я сделал так, рухнул бы и мой аргумент против Бога, потому что аргумент этот зиждется на том, что мир на самом деле несправедлив, а не с моей точки зрения.

Таким образом, сама попытка доказать, что Бога нет — иными словами, что вся объективная реальность лишена смысла, — вынуждала меня допустить, что, по крайней

мере, какая-то часть объективной реальности, моя идея справедливости, смысл имеет. Следовательно, атеизм оборачивается крайне примитивной идеей. Ведь если бы Вселенная не имела смысла, мы бы никогда не смогли обнаружить, что она не имеет смысла; точно так, как если бы во Вселенной не было света и, следовательно, не было бы существ с глазами, мы бы никогда не обнаружили, что нас окружает тьма.

ВТОРЖЕНИЕ

Итак, атеизм слишком примитивен. Но я укажу вам на другую примитивную идею. Я называю ее «христианством, разведенным в водичке». Согласно этой идее, на небе живет хороший, добрый Бог и все идет как надо. Всем трудным и пугающим доктринам о грехе и аде, о дьяволе и искуплении просто не придается значения.

Искать простую религию — бессмысленно. В конце концов, реальных вещей, которые были бы просты, нет. Иногда они выглядят простыми — например, стол, за которым я сижу; но спросите ученого, из чего этот стол сделан, — обо всех этих атомах, о световых волнах, которые отражаются от них и ударяют в мой глаз, воздействуя на мой оптический нерв, и как это воздействует на мой мозг. Тогда вы увидите, что процесс, который мы описываем в двух словах — «видеть стол», представляет из себя сплетение таинственных и сложных явлений, сложных настолько, что вы едва ли когда-нибудь сможете проникнуть в них до конца. Когда ребенок произносит молитву, это выглядит очень просто. Если вас это вполне удовлетворяет и вы готовы поставить на этом точку, — прекрасно. Однако, если вы не можете на этом остановиться — а современный мир обычно ни на чем или перед чем не останавливается так легко,

— если вы желаете продолжить и спрашиваете, что же происходит на самом деле, приготовьтесь к трудностям. Если мы ищем чего-то большего, чем предельно простое, глупо жаловаться, что «большее» — не просто.

Очень часто, однако, в такие глупые рассуждения пускаются совсем неглупые люди из желания, сознательно или бессознательно, подорвать христианство. Обычно они берут одну из версий христианства, рассчитанную на шестилетнего ребенка, и нападают на нее. Когда же вы стараетесь разъяснить им христианскую доктрину в том ее виде, в каком исповедуют ее образованные взрослые люди, они начинают жалоняться, что от вас голова идет кругом, что все это слишком сложно и, если бы Бог действительно существовал, Он сделал бы религию «простой», потому что простота так прекрасна.

С такими людьми следует быть настороже, они каждую минуту меняют тему и лишь отнимают у вас время. Обратите внимание на идею, что «Бог сделал бы религию простой», как будто религия — это что-то такое, что Бог изобрел, а не Его откровение нам о совершенно неизменных фактах и о Его собственной природе.

Объективная реальность отличается не только сложностью; она, по моим наблюдениям, нередко выглядит странно. Она какая-то нескладная, неясная, словом — не такая, как нам хотелось бы. Например, когда вы постигли идею, что Земля и другие планеты вращаются вокруг Солнца, у вас, естественно, возникает предположение, что все планеты созданы по тому же принципу: на равном расстоянии друг от друга, к примеру, или на расстоянии, равномерно увеличивающемся: или что все они одинакового размера, либо увеличиваются или уменьшаются по мере удаления от Солнца. В действительности же вы не находите ни ритма, ни смысла (понятного вам) ни в размерах планет, ни в расстояниях между ними; у некоторых из них — по одному спутнику, у одной — четыре, у другой — два, у некоторых — ни одного, а одна из планет окружена кольцом.

Итак, объективная реальность таит в себе загадки, разгадать которые мы не в силах. Вот одна из причин, почему я пришел к христианству. Это религия, которую вы не могли бы придумать. Если бы христианство предлагало вам такое объяснение Вселенной, какого мы всегда ожидали, я бы посчитал, что мы сами изобрели его. Но, право же, непохожа эта религия на чье-то изобретение. Христианству свойствен тот странный изгиб, который

характерен для реальных, объективно существующих вещей. Так что отрешимся от детской философии, от этого пристрастия к слишком простым ответам. Проблема, с которой мы имеем дело, непроста, и ждать простого ответа не приходится.

В чем же состоит эта проблема? Очевидно, в том, что во Вселенной много явно плохого и бессмысленного, но при этом в ней имеются существа, мы сами, которые знают об этом. Известны лишь две точки зрения на совокупность этих фактов. Одна из них — христианская ~ говорит, что это хороший мир, сбившийся на неверный путь, однако сохраняющий в памяти тот путь, каким он должен был идти. Вторая точка зрения — так называемый дуализм — предполагает, что за всем происходящим в мире стоят две равноценные и независимые силы — добро и зло, и наша Вселенная — поле битвы, на котором они ведут нескончаемую войну. Я лично считаю, что, после христианства, дуализм — наиболее человечная и разумная гипотеза. По в ней есть одно слабое место.

Эти две силы, или два духа, или два бога — добрый и злой — абсолютно независимы. Оба они существуют в вечности. Ни один из них не создавал другого, ни один не имеет преимущественного права называться Богом. Каждый из них, очевидно, считает себя хорошим, а другого плохим. Один любит ненависть и жестокость, другой — любовь и милосердие, и каждый держится своей точки зрения. Что же имеем в виду мы, когда называем одного из них силою добра, а другого силою зла? Мы либо говорим этим, что почему-то предпочитаем одну из этих сил другой — как можем, например, предпочитать пиво сидру, либо подразумеваем, что, независимо от того, что эти силы думают о себе или что мы, люди, думаем о них, одна из них действительно неверна и несомненно ошибается, принимая себя за добро. Если мы имеем в виду, что первая сила нам просто больше по вкусу, то мы вообще должны отказаться от разговора о добре и зле. Ибо «добро» означает нечто такое, чему мы должны отдавать предпочтение, независимо от того, что нравится нам. Если бы «добро» было добром только потому, что нам вздумалось принять его сторону, оно не заслужило бы своего названия. Так что мы должны признать, что одна из этих двух сил — объективное «зло», а другая — объективное «добро».

Однако в тот самый момент, когда вы признаете это, вы добавляете к двум силам, действующим во Вселенной, третью — какой-то закон, или стандарт, или правило добра, с которым одна из них согласуется, а другая — нет. Но поскольку обе силы судятся им, то этот стандарт, или Существо, установившее его, оказывается вне наших двух сил и гораздо выше их обеих. Вот этот-то закон, или Существо, и будет истинным, настоящим Богом. Фактически, называя силы, о которых идет речь, добром и злом, мы имеем в виду, что одна из них в правильных отношениях с истинным, высшим Божеством, а другая противится Ему.

К этому же можно прийти и другим путем. Если дуализм верен, сила зла любит зло как таковое. Но мы не знаем никого, кто любил бы зло просто за то, что оно зло. На практике мы ближе всего подходим к силе зла в чистом виде, когда сталкиваемся с жестокостью. Люди проявляют жестокость по двум причинам: либо оттого, что они садисты, то есть в силу своей извращенности получают чувственное удовольствие от жестокости, либо потому, что ценой проявленной жестокости они надеются получить желаемое — деньги, власть, безопасность. Но деньги, удовольствия, власть, безопасность — сами по себе вещи хорошие. Зло начинается тогда, когда люди стараются приобрести их, прибегая к неправильным методам, к нечестному пути, либо — в чрезмерном количестве.

Люди, поступающие так, крайне испорчены. Но не об этом речь. Я хочу сказать, что зло, если вы пристальнее всмотритесь в него, почти всегда окажется дурным путем к добрым целям. Вы можете быть хорошим ради самого добра; но не можете быть злым ради самого зла. Вы способны совершить хороший поступок и тогда, когда не испытываете прилива доброты, когда этот поступок не доставляет вам удовольствия, просто по той причине, что делать добро — правильно. Но никто еще не совершал

жестокого поступка только потому, что жестокость — это что-то неправильное. Люди бывают жестоки лишь тогда, когда это приносит им удовольствие или пользу. Иными словами, зло не может преуспевать от того, что оно зло, тогда как добро может преуспевать лишь в силу того, что оно добро. Добро, так сказать, вещь в себе, оно существует само по себе, тогда как зло представляет из себя испорченное добро. Прежде чем стать плохим, надо быть хорошим.

Мы называем садизм половым извращением; но прежде чем стать сексуально извращенным, вы должны получить представление о нормальном половом влечении; распознать извращение вы можете потому, что в состоянии объяснить его, исходя из нормы; а вот объяснить нормальное, исходя из извращенного, вы не можете. Из этого следует, что представление о силе зла, которая равна силе добра и любит зло в такой же степени, в какой сила добра любит добро, — не более как мираж. Чтобы силе зла стать скверной, ей необходимо сначала пожелать хорошего, а затем устремиться к нему неверными путями; ей надо ощутить побуждения, добрые в своей основе, чтобы иметь возможность извратить их. Но и стремление к добру, и добрые импульсы, которые она могла бы извратить, сила зла получит лишь от силы добра. А если так, то сила зла не может быть ни от чего не зависимой. Она — часть мира, в котором царит сила добра, и сотворена либо этой силой, либо какой-то другой, стоящей над ними обеими.

Попробуем несколько упростить это рассуждение. Чтобы совратиться, сила зла должна была существовать и обладать разумом и волей. Но существование, разум и воля сами по себе — добро. Таким образом, сила зла должна была получить все это от силы добра; даже для того, чтобы стать плохой, силе зла пришлось бы позаимствовать или украсть все необходимое у своего оппонента. Становится ли вам яснее, почему христианство всегда говорило, что дьявол — это падший ангел? Это не просто сказка для детей. Это глубокая истина, свидетельствующая о том, что зло — паразит, а не что-то изначальное и самостоятельное. Силы для своего существования зло черпает из добра. Все, что толкает плохого человека на активное зло, само по себе — не зло, а добро: решимость, ум, красота и, собственно, существование. Вот почему дуализм, если подойти к нему со строгой меркой, не срабатывает.

Но я готов признать, что истинное христианство (в отличие от христианства, разбавленного водичкой) гораздо ближе к дуализму, чем думают. Когда я впервые всерьез прочитал Новый завет, меня особенно поразила одна вещь — а именно то, что там так много говорится о силе тьмы во Вселенной, о могучем злом духе, который стоит за смертью, болезнью и грехом. Однако по мнению христианства (в отличие от дуализма) эта сила тьмы создана Богом и вначале была доброй, лишь потом стала она на неверный путь.

Христианство согласно с дуализмом, что Вселенная в состоянии войны. Но оно не считает, что это — война между зависимыми силами. Христианство утверждает, что это гражданская война, мятеж, и мы с вами живем в той части Вселенной, которая оккупирована мятежниками.

Оккупированная территория — вот что такое этот мир. А христианство — рассказ о том, как на эту территорию сошел праведный царь, сошел, можно сказать, инкогнито, и призвал нас к саботажу. Когда вы идете в церковь, вы на самом деле принимаете секретные сообщения по радиопередатчику от своих друзей. Вот почему враг так настойчиво старается помешать посещению церкви. Он играет на нашем самомнении, лени, интеллектуальном снобизме. Кто-нибудь, возможно, спросит меня: «Не хотите ли вы в наше просвещенное время вновь представить нам старого приятеля, дьявола, с рогами, копытами и всем прочим?» Я не знаю, при чем тут просвещенное время, и меня не особенно интересует такая деталь, как рога и копыта. Но в остальном я ответил бы: «Да, именно это я собираюсь сделать». Я не утверждаю, что мне что-либо известно о его внешности. Если кто-то действительно желает узнать его получше, такому человеку я скажу: «Не беспокойтесь. Если вы в самом деле хотите познакомиться с ним поближе, то непременно познакомитесь. Понравится ли вам это — другой вопрос».

ОШЕЛОМЛЯЮЩАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Христиане, таким образом, верят, что сила зла стала князем этого мира. И тут, конечно, возникают проблемы. Происходит ли все это в соответствии с волей Бога? Если да, то Он — довольно странный Бог, скажете вы; если же зло воцарилось в мире вопреки Его воле, то как же что-либо может происходить вопреки воле Того, Кто обладает абсолютной властью?

Однако каждый человек, который был когда-либо наделен властью, знает, как некоторые вещи могут, с одной стороны, соответствовать вашей воле, а с другой — быть ей вопреки. Мать, например, может с полным основанием сказать своим детям: «Я не собираюсь каждый вечер приводить в порядок вашу комнату. Вы должны учиться держать ее в порядке сами». Однажды вечером она заходит в детскую и видит, что плюшевый мишка, чернильница и учебник по французской грамматике свалены вместе. Это противоречит ее воле. Она предпочла бы, чтобы ее дети были аккуратными. Но, с другой стороны, в этом и была ее воля — привить детям самостоятельность, однако это влечет за собой свободу выбора для них. Такие же ситуации возникают при любой системе правления, на службе, в школе. Вы объявляете какую-то обязанность добровольной, и сразу половина людей эту обязанность не выполняет. Это не согласуется с вашей волей, однако стало возможным именно по вашей воле.

Возможно, то же происходит и во Вселенной. Некоторые создания Свои Бог наделил свободной волей. Это значит, что они могут выбирать верный или неверный путь. Некоторым людям кажется, что можно придумать такое существо, которое было бы свободным, но лишенным возможности поступать неправильно. Я такое существо представить себе не могу. Если кто-то свободен делать добро, он свободен делать зло. Именно свободная воля сделала возможным зло. Почему же тогда Бог дал созданиям Своим свободу воли? Потому что без свободной воли, хотя она и обуславливает появление зла, невозможны истинная любовь, доброта, радость и все то, что представляет ценность в мире.

Мир автоматов-роботов — существ, действующих, как машины, едва ли стоил бы того, чтобы его создавать. Счастье, которое Бог приготовил для Своих высших созданий, — это счастье свободно соединиться с Ним и друг с другом в порыве любви и восхищения, в сравнении с которыми самая возвышенная любовь между мужчиной и женщиной — как разбавленное молоко. Но для этого создания должны быть свободными.

Бог, конечно, знал, что произойдет, если они воспользуются своей свободой неверно. Но очевидно. Он считал, что задуманное Им стоит риска. Возможно, мы не склонны согласиться с Ним. Но с Богом не соглашаться трудно. Он источник, из которого вы черпаете всю силу ваших аргументов. Вы не можете быть правы, а Он — неправ, точно так же как поток не может подняться выше уровня своего источника. Оспаривая правильность Его решений, вы выступаете против той силы, которая наделяет вас самой способностью спорить. Другими словами, вы рубите ветку, на которой сидите. Если Бог считает, что состояние войны во Вселенной не слишком высокая плата за свободу воли, и именно поэтому сотворил мир, в котором Божьи создания могут сознательно выбирать между добром и злом, а не игрушечный мир марионеток, которых Он водил бы, дергая за ниточки, — значит, мы должны согласиться, что свободная воля стоит этого. Только в мире, основанном на свободном выборе между добром и злом, может происходить что-то значительное.

Когда мы понимаем, что такое свобода воли, глупым представляется вопрос, который мне как-то задали: «Почему Бог создал человека из такого гнилого материала, что он сразу же пришел в негодность?» Чем лучше материал, из которого творение создано, чем оно умнее, сильнее и свободнее — тем лучше оно будет, если направится по правильному пути, и тем хуже станет, избрав неправильный путь. Корова не может быть очень хорошей или очень плохой; собака может быть и лучше и хуже; в большей степени

может быть лучше или хуже ребенок; еще в большей степени, чем ребенок, может быть лучше или хуже обыкновенный взрослый человек, и еще в большей — человек гениальный; сверхчеловеческий же дух может быть либо наихудшим, либо наилучшим из всего сущего.

Как это произошло, что свободная воля направилась по неверному пути? Нет сомнения, что ответить на такой вопрос сколько-нибудь определенно люди не могут. Можно, однако, предположить разумную (и общепринятую) догадку, которая основывается на нашем личном опыте.

В тот момент, когда в вас проявляется ваше «я», возникает возможность, что вы пожелаете поставить это «я» на первое место, пожелаете стать центром, то есть фактически стать Богом. В этом и состоял грех сатаны, и этим грехом он заразил человеческий род. Некоторые люди считают, что падение человека как-то связано с проблемой секса. Но это ошибочное мнение. (Повествование, содержащееся в книге Бытия, скорее наводит на мысль о том, что разложение как-то коснулось нашей сексуальной природы после падения и было результатом, а не причиной этого падения.) Сатана вложил в головы наших далеких предков идею, что они могут стать «как боги», — могут устроить все по-своему, как если бы они сотворили себя сами; что человек может быть сам себе хозяин и изобрести для себя какое-то счастье, от Бога независимое. Из этой-то безнадежной попытки произошло почти все то, что определило человеческую историю, — деньги, нищета, тщеславие, войны, проституция, классы, империи, рабство, долгую и ужасную историю человека, пытающегося найти секрет счастья, минуя Бога.

Поиски эти безнадежны, и вот почему. Бог создал нас, изобрел нас, как человек изобретает машину. Топливо для автомобиля — бензин, и при той конструкции, какую он имеет, автомобиль не станет работать на другом топливе. Человечество же Бог сконструировал так, чтобы энергию, необходимую для нормальной жизнедеятельности, он, человек, черпал от Самого Бога. Бог — горючее, на которое рассчитан наш дух, пища, которая ему необходима. Альтернативы не существует. Вот почему не имеет смысла просить Бога, чтобы он сделал нас счастливыми по нашему вкусу, не обременяя никакой религией. Бог не может дать нам счастье и мир без Него Самого, потому что без Него счастья и мира просто нет.

И в этом — ключ к истории. Тратится гигантское количество энергии, возникают цивилизации, создаются отличные, благородные организации, но всякий раз что-то идет не так, как надо. По причине какого-то фатального дефекта наверху всегда оказываются эгоистичные и жестокие люди, все снова рушится и скатывается вниз, к бедствиям и отчаянию. Машина глохнет. Она заводится как будто бы легко, пробегает несколько метров и ломается. Люди хотят, чтобы она работала на неподходящем горючем. Вот что сделал с нами, людьми, сатана.

А что сделал Бог? Прежде всего, Он оставил нам совесть, и мы понимаем, что правильно, что неправильно. На протяжении всей истории были люди, которые старались (подчас очень упорно) слушаться голоса совести. Ни один из них в этом не преуспел полностью.

Во-вторых, Он послал человеческому роду то, что я называю светлыми мечтами. Я имею в виду те странные истории, встречающиеся почти во всех языческих религиях, в которых рассказывается о каком-то боге, который умирает и снова воскресает, и своей смертью как-то дает людям новую жизнь.

В-третьих, Он избрал один особый народ и на протяжении нескольких столетий вколачивал в головы избранных Им людей, что Он единственный Бог и для Него очень важно, чтобы люди вели себя правильно. Этим особым народом были евреи, и Ветхий завет подробно все это описывает.

А затем человечество испытало настоящий шок. Из среды этих евреев внезапно возник человек, который говорит так, как будто он сам и есть Бог. Он говорит, что может

прощать грехи. Он говорит, что существовал вечно. Он говорит, что придет судить мир в последние времена.

Здесь требуется объяснение. Среди пантеистов, таких, как, например, индусы, каждый может сказать, что он — часть Бога или един с Богом; в этом не будет ничего удивительного. Но Тот Человек исповедовал не пантеизм, а иудаизм и не мог иметь в виду такого бога. Бог в понимании евреев — это Существо, находящееся вне мира; Тот, Кто сотворил этот мир и бесконечно отличается от чего бы то ни было. Когда вы постигнете это в полной мере, вы почувствуете: то, что говорил Человек, поразительнее всего, когда-либо слетавшего с человеческих уст. Часть этих слов проскальзывает мимо наших ушей: мы слышали их так часто, что перестали понимать, какой высоты звучания они достигают. Я имею в виду слова о прощении грехов; любых грехов. Если это не исходит от Бога, это нелепо и смешно. Мы можем понять, как человек прощает оскорбления и обиды, причиненные ему самому. Вы наступили мне на ногу, и я вам это прощаю; вы украли у меня деньги, и я вам это прощаю. Но как быть с человеком, которого никто не тронул и не ограбил, а он объявляет, что прощает вас за то, что вы наступали на ноги другим и украли у них деньги? Поведение такого человека показалось бы нам предельно глупым. Однако именно так поступал Иисус. Он говорил людям, что их грехи прощены, и никогда не советовался с теми, кому эти грехи нанесли ущерб. Он без колебаний вел Себя так, как если бы был Тем, Кому нанесены все обиды, против Кого совершены все беззакония. Такое поведение имело бы смысл только в том случае, если Он в самом деле Бог, Чьи законы попораны, любовь — оскорблена каждым совершенным грехом. В устах любого другого эти слова свидетельствовали бы лишь о глупости и мании величия, которым нет равных во всей человеческой истории.

Однако (и это удивительно) даже у Его врагов, когда они читают Евангелие, не создается впечатления, что слова эти продиктованы глупостью или манией величия. Тем более у читателей, не настроенных предвзято. Христос говорит, что Он «смирнен и кроток» — и мы верим Ему, не замечая, что смирение и кротость едва ли присущи человеку, делавшему такие заявления, какие делал Он.

Я говорю все это, чтобы предотвратить воистину глупое замечание, которое нередко можно услышать: «Я готов признать, что Иисус — великий учитель нравственности, но отвергаю Его претензии на то, что Он Бог». Говорить так не следует. Простой смертный, который утверждал бы то, что говорил Иисус, был бы не великим учителем нравственности, а либо сумасшедшим вроде тех, кто считает себя Наполеоном или чайником, либо самим дьяволом. Другой альтернативы быть не может: либо этот человек — Сын Божий, либо сумасшедший или что-то еще похуже. И вы должны сделать выбор: можете отвернуться от Него как от ненормального и не обращать на Него никакого внимания; можете убить Его как дьявола; иначе вам остается пасть перед Ним и признать Его Господом и Богом. Только отрешитесь, пожалуйста, от этой покровительственной бессмыслицы, будто Он был великим учителем-гуманистом. Он не оставил нам возможности думать так.

СОВЕРШЕННЫЙ КАЮЩИЙСЯ

Итак, мы сталкиваемся с пугающей альтернативой. Этот человек — либо именно то, что Он о Себе говорит, либо — сумасшедший, маньяк или кое-кто похуже. Мне совершенно ясно, что ни сумасшедшим, ни бесом Он не был. Следовательно, сколь невероятным и наводящим ужас это ни казалось бы, я вынужден признать, что Он был и есть Бог. Бог сошел на эту оккупированную врагом землю в образе человека.

С какой же целью Он сделал это? Ради какого дела приходил? Ну конечно, ради того, чтобы учить. Однако когда вы откроете Новый завет или любую христианскую книгу, вы обнаружите, что в них постоянно говорится о чем-то другом, а именно о Его смерти и Его воскресении. Совершенно очевидно, что христианам именно это

представляется самым важным. Они считают, что главная цель Его прихода на землю — пострадать и умереть.

До того как я стал христианином, у меня было впечатление, что христиане должны прежде всего верить в некую теорию о смысле Его смерти. Согласно ей, Бог хотел наказать людей за то, что они оставили Его и стали на сторону великого мятежника, но Христос добровольно вызвался понести наказание за людей, чтобы Бог простил нас. Сейчас я должен признаться, что даже эта теория больше не кажется мне такой аморальной и глупой, как казалась прежде. Но не в этом дело. Позднее я увидел, что ни эта, ни иная подобная теория не выражают сути христианства.

Центральная мысль христианской веры в том, что смерть Христа каким-то образом оправдала нас в глазах Бога и дала нам возможность начать сначала. Как это было достигнуто — вопрос другой. На этот счет немало соображений. Но с тем, что мысль эта верна, согласны все христиане. Я скажу вам, что я сам думаю. Все разумные люди знают, что, если вы устали и проголодались, хороший обед пойдет вам на пользу. Обед этот — не то же самое, что современная теория о питании, обо всех этих витаминах и протеинах. Люди ели обеды и чувствовали себя после них лучше задолго до появления теорий, и если теории когда-нибудь забудут, это не помешает людям по-прежнему обедать. Теории о смерти Христа — не христианство. Они лишь пытаются объяснить механизм его действия. О степени их важности не все христиане думают одинаково. Моя англиканская церковь не настаивает ни на одной из них как на единственно правильной. Римская церковь идет немного дальше. Но, я думаю, все согласны с тем, что суть безгранично важнее, чем любое объяснение, и ни одно объяснение не может претендовать на исчерпывающую полноту. Но как я сказал в предисловии к этой книге, я всего лишь рядовой верующий, а вопрос этот заводит нас слишком глубоко. Я повторяю, что могу лишь изложить вам свою личную точку зрения.

Согласно ей, то, что вас просят принять, — не теории. Многие из вас, без сомнения, читали работы Джинса или Эддингтона. Когда они хотят объяснить атом или что-нибудь подобное, они просто дают вам описание, на основании которого в вашей голове возник некий мысленный образ. Но затем они предупреждают вас, что на самом деле этот образ не то, во что действительно верят ученые; а верят они в математическую формулу. Иллюстрации даются вам только для того, чтобы вы эту формулу поняли. Фактически они неверны в том смысле, в каком верны формулы. Они не отражают реальности, а только дают какое-то приближенное представление о ней. Их цель лишь в том, чтобы помочь вам, и, если они вам не помогают, вы можете отбросить их. Самую сущность атома не передать в картинках, ее можно выразить только в математических формулах.

То же самое происходит и с христианством. Мы верим, что смерть Христова — та точка в человеческой истории, когда нечто, принадлежащее иному миру и не поддающееся нашему воображению, проявило себя в нашем с вами мире. И если мы не можем изобразить в картинках атомы, слагающие этот наш мир, то, уж конечно, не в состоянии нарисовать в своем воображении реальную картину того, что действительно произошло во время смерти и воскресения Христа. Более того, если бы мы обнаружили, что полностью сумели все это понять, то самый факт этот свидетельствовал бы, что данное событие — совсем не то, за что оно себя выдает, недостижимое, нерукотворное, лежащее над природой вещей и пронизывающее эту природу, подобно удару молнии.

Вы можете сказать: «А какая нам польза, если мы не в состоянии все это понять?» Вопрос, на который очень легко ответить. Человек может съесть обед, не понимая, как организм усваивает питательные вещества. Человек может принять то, что сделал Христос, не понимая, что дело Христа работает в нем. И безусловно, он не сможет даже приблизительно понять этого, пока не примет Его.

Нам сказано, что Христос распят за нас, что Его смерть омыла наши грехи и что, умерев, Он вырвал у смерти ее «жалю». Это — формула. Это — христианство. В это надо верить. Любые теории о том, как смерть Христа сделала все это возможным, с моей точки

зрения, вторичны: они лишь чертежи и диаграммы, от которых можно без ущерба отказаться, если они нам не помогают, и, даже если они помогают, их не следует путать с той сутью, которой они служат. Тем не менее некоторые из этих теорий заслуживают того, чтобы мы их рассмотрели.

Одна из них, о которой мы слышим чаще всего, — та, которую я упомянул: Бог помиловал нас, потому что Христос добровольно вызвался понести наказание за нас. На первый взгляд эта теория выглядит крайне глупой. Если Бог готов был помиловать нас, почему Он этого не сделал? И какой смысл в наказании невинного за вину других? Я не вижу в этом никакого смысла, если рассматривать дело с точки зрения нашей юридической системы. Но взглянем с иной точки зрения, и мы увидим смысл: некто, имеющий средства, выплачивает долг за неплатежеспособного должника.

Или другой пример: человек попадает в беду по своей вине и ему приходится расплачиваться, но не в узкофинансовом, а в более общем смысле слова. Кто же извлечет его из пропасти, как не добрый друг?

В какую же пропасть попал человек по своей вине? И почему он попал в нее? Человек попытался устроить все по-своему, вести себя так, как если бы никому, кроме самого себя, он не принадлежал: иными словами, падший человек

— это не просто несовершенно существо, нуждающееся в исправлении и улучшении: это мятежник, который должен сложить свое оружие. Сложить оружие, сдаться, попросить прощения, признать, что мы отклонились от правильного пути, начать заново — вот единственный выход из нашей пропасти. Именно это признание, безоговорочную капитуляцию, полный ход назад называют христиане покаянием. Процесс этот далеко не из приятных. Это посложнее, чем просто смириться со своим положением. Покаяться — значит отречься от самомнения и своеволия, которые мы культивируем в себе на протяжении тысячелетий. Покаяться — значит убить часть самого себя, пережить какое-то подобие смерти. Надо быть действительно хорошим человеком, чтобы прийти к раскаянию. И здесь мы сталкиваемся с затруднением. Только плохой человек нуждается в покаянии: только хороший человек может покаяться по-настоящему. Чем вы хуже, тем более нуждаетесь в покаянии, но тем менее вы склонны к нему. Только совершенный человек может прийти к совершенному покаянию. Но такой человек в покаянии не нуждается.

Запомните, что покаяние, это добровольное смирение и своего рода смерть, не то, чего Бог требует от вас прежде, чем примет вас обратно, и от чего Он может освободить вас, если захочет. Говоря о покаянии, я лишь описываю вам, что значит вернуться к Богу. Если вы просите Бога принять вас обратно без всего этого покаяния, то вы просите Его позволить вам вернуться, не возвращаясь. Такого не бывает.

Итак, мы должны пройти через покаяние. Но то зло в нас, которое делает покаяние необходимым, в то же самое время лишает нас способности к покаянию. Можем ли мы разрешить эту проблему, если Бог поможет нам? Да, но как мы понимаем Божью помощь в этом деле? Очевидно, мы имеем в виду, что Бог, чтобы помочь нам, вкладывает в нас, так сказать, частицу Самого Себя. Он одалживает нам немного Своей способности к рассудительности, и мы начинаем думать; Он вкладывает в нас немного Своей любви, и мы уже в состоянии любить друг друга. Когда вы учите ребенка писать, вы держите его руку, выводя буквы вместе с ним: его рука чертит буквы, потому что вы их чертите. Мы любим и мыслим, потому что Бог любит и мыслит и держит в Своих руках нашу руку, направляя эти процессы. И если бы мы с вами не пали, это было бы спокойное плавание. Но, к сожалению, сейчас мы нуждаемся, чтобы Бог нам помог в таком деле, которое Ему, Богу, в силу Его природы чуждо: сдаться, пострадать, подчиниться, умереть. В Божьей природе нет ничего, что соответствовало бы этой капитуляции. Следовательно, путь, на котором нам больше всего необходимо 'Божье руководство, — такой, по которому Бог в силу Своей природы никогда не ходил. Бог может поделиться только тем, что Он имеет в Своей собственной природе. Но того, что требуется для нас, в Его природе нет.

Теперь предположим, что Бог стал человеком; предположим, наша человеческая природа, которая способна страдать и умирать, слилась с Божьей природой в одной личности, — такая личность сумела бы помочь нам. Богочеловек сумел бы подчинить Свою волю, сумел бы пострадать и умереть, потому что Он — человек; весь этот процесс Он выполнил бы в совершенстве, потому что Он — Бог. Мы с вами можем пройти через этот процесс только в том случае, если Бог совершит его внутри нас; но совершить его Бог может, только став человеком — Наши попытки пройти через умирание будут иметь успех только тогда, когда мы, люди, примем участие в умирании Бога, точно так же как наше мышление плодотворно только благодаря тому, что оно — капля из океана Его разума; но мы не можем принять участия в умирании Бога, если Он не умирает; а Он не может умереть, если не станет человеком. Вот в каком смысле Он платит наши долги и страдает вместо нас за то, за что Ему совсем не нужно было страдать.

Я слышал, как некоторые люди жаловались, что если Иисус был Богом в такой же степени, в какой был человеком, Его страдания и смерть теряют ценность в их глазах, потому что, говорят они, «это, должно быть, для Него легко и просто». Другие могут (и совершенно справедливо) осудить подобную неблагодарность. Однако меня поражает непонимание, о котором это свидетельствует. С одной стороны, люди, говорящие так, по-своему правы. Возможно, они даже недооценивают силу своего аргумента. Совершенное подчинение, совершенное страдание, совершенная смерть не только были легче для Иисуса, потому что Он Бог, они и возможны-то были только потому, что Он Бог. Тем не менее, не правда ли, странно не принимать поэтому Его смирения, страданий и смерти? Учитель способен написать буквы для ребенка, потому что учитель — взрослый человек и умеет писать. Конечно, ему легко написать эти буквы. Только поэтому он и может помочь ребенку. Если ребенок отвергнет его помощь на том основании, что «взрослым это легче», и будет ожидать, чтобы его научил писать другой ребенок, который сам не умеет писать (и, таким образом, лишен «несправедливого» преимущества), обучение пойдет не очень-то быстро. Если я тону в быстром потоке, человек, стоящий одной ногой на берегу, может протянуть мне руку, и это спасет мне жизнь. Стану ли я возмущаться и кричать, судорожно глотая воздух: «Нет, это несправедливо! У вас есть преимущество! Вы одной ногой стоите на земле!»? Это преимущество — называйте его «несправедливым», если хотите, — единственное условие, при котором он может оказать мне помощь. Если вам нужна помощь, не будете ли вы взывать о ней к тому, кто сильнее вас?

В этом и состоит мой собственный взгляд на то, что христиане называют искуплением. Однако не забудьте, что это всего-навсего еще одна иллюстрация. Не путайте ее, пожалуйста, с самим искуплением. Если мой пример, моя иллюстрация не помогают вам, отбросьте их не колеблясь.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Христос прошел через совершенную капитуляцию и совершенное смирение; они были совершенными, потому что Он — Бог; они были капитуляцией и смирением, потому что Он был Человеком. Христианская вера заявляет, что, если мы каким-то образом разделим смирение и страдания Христа, мы станем соучастниками Его победы над смертью и обретем новую жизнь, после того как умрем. И в этой новой жизни мы будем совершенны и совершенно счастливыми созданиями. Все это, однако, предполагает нечто гораздо большее, чем наши попытки следовать Его учению. Люди часто задают вопрос, когда же наступит следующий этап эволюции, на котором возникнет новое существо, стоящее гораздо выше человека. Но с христианской точки зрения этот этап уже наступил. Новый вид человека возник в Христе; и новая форма жизни, которая началась в нем, должна быть заложена в нас.

Как же получить эту новую жизнь? Вспомните, прежде всего, как мы с вами

получили нашу жизнь в ее обыкновенной форме. Мы унаследовали ее от других, от нашего отца и матери и всех наших предков, без нашего согласия и посредством очень любопытного процесса, который включает в себя удовольствие, боль и опасность. Такой процесс вы никогда бы не сумели выдумать сами. В детстве многие из нас долгие годы стараются разгадать его. Некоторые из детей, когда им впервые рассказывают об этом процессе, вначале отказываются верить, и я не могу их осуждать, это действительно очень странный процесс. Тот самый Бог, Который его спланировал, спланировал и процесс распространения новой жизни — жизни во Христе; и мы должны быть готовы к тому, что это тоже странный процесс. Бог не советовался с нами, когда изобретал секс. Он не советовался с нами и тогда, когда изобретал пути спасения.

Три вещи распространяют жизнь Христа в нас: крещение, вера и таинство, которое различные христиане называют по-разному — святое причастие, месса, преломление хлеба. По крайней мере, эти три вещи относятся к обычным методам. Я не говорю, что не может быть особых случаев, когда Христос и Его жизнь распространяются без одного (или больше) из этих актов. У меня недостаточно времени, чтобы углубиться в эти особые случаи, к тому же я не знаком с ними в достаточной степени. Когда вы стараетесь в несколько минут объяснить человеку, как добраться до Эдинбурга, вы посоветуете ему сесть в поезд. Он может, правда, добраться туда пароходом или самолетом, но вы едва ли станете упоминать об этом. И я ничего не говорю, какая из упомянутых трех вещей — самая существенная. Мой друг методист захочет, чтобы я больше сказал о вере и меньше — о двух остальных. Но я не стану в это вдаваться. Любой человек, который научит вас христианской доктрине, скажет вам, чтобы вы прибегли ко всем трем. И этого в данный момент для нас достаточно.

Я сам лично не вижу, каким образом эти три вещи могут быть проводниками новой жизни. Но и постигнуть некую связь между физическим удовольствием и появлением в мир нового человека тоже непросто. Нам остается принимать действительность такой, какая она есть. Нет смысла без конца рассуждать о том, какой она должна быть или чего мы могли бы от нее ожидать. И хотя я не вижу, почему это должно быть так, я могу сказать вам, почему я верю, что это действительно так. Я уже объяснил, почему мне приходится верить, что Иисус был (и есть) Бог. И это исторический факт — Он учил Своих последователей, что новая жизнь передается именно этим путем. Иными словами, я верю в это, полагаясь на авторитет Христа. Не пугайтесь, пожалуйста, слова «авторитет». Верить, полагаясь на чей-то авторитет, означает лишь, что вы верите в какую-то вещь, потому что вам сказал о ней тот, кого вы считаете абсолютно достойным доверия. Девяносто девять процентов того, чему вы верите, основано на доверии авторитету.

Я верю, что существует такое место, как Нью-Йорк. Я сам его никогда не видел. Я не могу доказать его существование с помощью абстрактных аргументов. Я верю в это, потому что слышал о его существовании от людей, достойных доверия. Обыкновенный человек верит в солнечную систему, атомы, эволюцию и кровообращение, полагаясь на утверждения ученых, на их авторитет. Да и все решительно сведения наши из области истории — откуда мы их черпаем, как не из утверждений историков, авторитету которых мы доверяем? Ведь никто из нас не был свидетелем норманнских завоеваний или поражения Наполеона при Ватерлоо! Никто из нас не может доказать их чисто логически, как доказываются теоремы в математике. Мы верим в эти факты просто потому, что люди, бывшие свидетелями их, оставили нам свои записи; иными словами, мы верим в них, полагаясь на авторитет этих записей и их авторов. Человеку, который стал бы оспаривать авторитеты в других областях, как некоторые оспаривают и отвергают авторитет в религии, пришлось бы до конца своих дней остаться невеждой.

Не думайте, пожалуйста, что я ратую за крещение, веру и святое причастие как за некие заменители ваших собственных стараний подражать Христу. Вы получили вашу естественную жизнь от своих родителей. Это не значит, что она останется при вас, если вы не будете стараться удержать ее. Вы можете потерять ее из-за своей беспечности или

лишиться ее, совершив самоубийство. Вы должны питать вашу жизнь, бережно относиться к ней. Но всегда при этом помните, что вы не создаете, а только сохраняете ту жизнь, которую вы получили от кого-то другого. Точно так же христианин может потерять жизнь Христа, если не будет предпринимать определенных усилий, чтобы сохранить ее. Но и самый лучший христианин из когда-либо живших на земле лишь питает и защищает ту жизнь, которую он никогда не сумел бы получить ценою собственных усилий. Из этого вытекают практические выводы. Пока ваша естественная жизнь пребывает в вашем теле, она много способствует поддержанию этого тела и восстановлению его нормальных функций. Порезьтесь

— и порезанное место заживет; если тело мертво, этого никогда не случится. Живое тело подвержено повреждениям, но до известной степени оно способно себя ремонтировать. Так и христианин вовсе не человек, который никогда не поступает неправильно; это человек, который способен раскаиваться, собираться с духом и после каждого преткновения начинать все заново, потому что внутри него действует жизнь Христова: она-то и восстанавливает («ремонтирует») его постоянно, давая ему способность вновь и вновь (до известной степени, конечно) проходить через подобие добровольной смерти, через которую прошел и Сам Христос.

Вот почему христиане отличаются от прочих людей, старающихся быть хорошими. Эти люди своими стараниями надеются угодить Богу, если Он существует, а если, по их мнению, Его нет, они, по крайней мере, надеются заслужить одобрение других хороших людей. Христианин же считает, что все хорошее, что он делает, исходит от Христовой жизни, обитающей в нем. Он не думает, что Бог будет любить нас, потому что мы хорошие, но что Бог сделает нас хорошими, потому что любит нас: точно так же крыша теплицы не притягивает солнца из-за того, что она блестит; напротив, она блестит оттого, что на нее падают солнечные лучи.

И позвольте мне пояснить кое-что еще. Когда христиане говорят, что они имеют в себе Христову жизнь, они не подразумевают чего-то умственного или морального. Когда они говорят о пребывании «во Христе» или о пребывании Христа «в них», это не значит, что они просто думают о Христе или стараются Ему подражать. Они имеют в виду, что Христос в самом деле действует через них: что все христиане вместе представляют из себя единый организм, через который действует Христос, что мы Его пальцы, мускулы, клетки Его тела.

Возможно, в этом — объяснение одной или двух вещей. Почему новая жизнь передается не только посредством умственных, душевных актов, таких, как вера, но и посредством таких, в которые мы включены телесно, — через крещение и святое причастие? Всеми этими актами предусмотрена не одна лишь передача идеи; скорее это напоминает эволюцию — некий биологический или сверхбиологический факт. Сделать человека существом чисто духовным Бог никогда не намеревался. Вот почему Он использует такие материальные вещи, как хлеб и вино, чтобы вложить в нас новую жизнь. Нам может это показаться чем-то примитивным и недуховным. Но Бог так не считает. Он изобрел еду. Он любит материю. Он изобрел ее.

Для меня была загадкой еще одна вещь. Не правда ли, ужасная несправедливость, что этой новой жизнью наделяются только те, которые имели возможность услышать о Христе и поверить в Него? Однако Бог не сказал нам, как Он собирается поступить с остальными людьми. Мы знаем, что ни один человек не может спастись иначе как через Христа, но нам не сказано, что только те, которые знают Его, могут спастись через Него. Так или иначе, если вас волнует судьба тех, которые остаются за бортом, самым неразумным было бы оставаться там самому. Христиане — это тело Христа, организм, через который Он действует. Всякое добавление к Его телу позволяет Ему делать больше. Если вы хотите помочь тем, кто за бортом, вы должны прибавить свою собственную маленькую клетку к телу Христа, Который Один во всей Вселенной способен помочь им. Стремясь увеличить производительность труда, довольно странно отрезать пальцы на

руке.

Другое возможное возражение в следующем. Почему Бог сходит на оккупированную врагом территорию инкогнито и основывает своего рода тайное общество, чтобы одолеть дьявола? Почему Он не сходит в силе, чтобы завоевать территорию? Может быть, Он недостаточно силен? Что ж, христиане считают, что Он и сойдет в силе, только мы не знаем когда. Однако мы можем догадываться, почему Он медлит. Он хочет предоставить нам возможность стать на Его сторону добровольно. Я не думаю, что мы с вами отнеслись бы с большим уважением к тому французу, который прождал бы, пока армии союзных держав оккупировали Германию, и только тогда заявил бы, что он на нашей стороне.

Бог завоеует этот мир. Но мне интересно знать, понимают ли по-настоящему те люди, которые просят у Бога открытого и прямого вмешательства в дела нашего мира, что произойдет, когда это случится. Ведь это будет конец мира. Когда автор выходит на сцену, это значит, что спектакль окончен.

Бог собирается завоевать этот мир; но какая для вас будет польза говорить, что вы на Его стороне, тогда, когда на ваших глазах будет плавиться и исчезать вся материальная Вселенная? Что-то, о чем вы никогда не задумывались, войдет в наш мир, сокрушая все на своем пути; что-то столь прекрасное для одних и такое ужасное для других, что ни у кого из нас уже не останется никакого выбора. На этот раз Бог придет не инкогнито; это будет явление такой небывалой силы, что в каждом существе оно вызовет либо непреодолимую любовь, либо непреодолимый ужас. Но выбирать, на чьей вы стороне, будет тогда слишком поздно. Бессмысленно говорить, что вы предпочли лечь, когда встать оказалось невозможно. Это не будет время выбора; это будет время, когда нам станет ясно, чью сторону мы избрали, независимо от того, сознавали мы это или нет.

Сейчас, сегодня, в этот самый момент, у нас еще есть возможность сделать правильный выбор. Бог медлит, чтобы предоставить нам ее. Но это не будет длиться вечно. Мы должны принять ее, либо отвергнуть.

Книга III. ХРИСТИАНСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

ТРИ ЧАСТИ МОРАЛИ

Рассказывают об одном ученике, которого спросили, как он представляет себе Бога. Тот ответил, что, насколько он понимает, Бог — это «такая личность, которая постоянно следит, не живет ли кто в свое удовольствие, и когда Он замечает такое, то вмешивается, чтобы это прекратить». Боюсь, что именно в таком духе понимают многие люди слово «мораль»: то, что мешает нам получать удовольствие.

В действительности же моральные нормы — это инструкции, обеспечивающие правильную работу человеческой машины. Каждое из правил морали нацелено на то, чтобы предотвратить поломку, или перенапряжение, или трение. Вот почему на первый взгляд кажется, будто они постоянно вмешиваются в нашу жизнь и препятствуют проявлению наших природных наклонностей.

Когда вы учитесь, как работать на какой-нибудь машине, инструктор то и дело поправляет вас: «Нет, не так, никогда не делайте этого», потому что в обращении с машиной у вас постоянно возникает искушение что-то попробовать или сделать, что вам представляется естественным и удачным, но на самом деле машина сломается.

Некоторые люди предпочитают говорить о нравственных «идеалах» вместо того, чтобы говорить о правилах морали, и о нравственном «идеализме» — вместо подчинения правилам морали. Конечно, совершенно верно, что совершенство в вопросах морали это «идеал» в том смысле, что мы не можем его достичь. В этом смысле все, что совершенно, для нас, людей, — идеал; мы не можем стать совершенными водителями или совершенными теннисистами, мы не можем провести совершенно прямую линию. Но с другой точки зрения называть моральное совершенство «идеалом» — значит вводить

людей в заблуждение. Когда человек говорит, что какая-то женщина, или дом, или корабль, или сад

— его идеал, он не имеет в виду (если он не совсем дурак), что все остальные должны иметь тот же самый идеал. В таких вопросах наше право — иметь разные вкусы и, следовательно, разные идеалы. Но называть идеалистом человека, изо всех сил старающегося соблюдать законы морали, было бы опасным. Это может привести на мысль, что стремление к моральному совершенству — дело его вкуса и мы, остальные, не обязаны этот вкус разделять. Подобная мысль была бы катастрофической ошибкой.

Совершенное поведение может быть таким же недостижимым, как совершенное переключение скоростей в автомобиле; но это необходимый идеал, предписанный всем людям самой природой человеческой машины, точно так же как совершенное переключение скоростей — идеал для всех водителей в силу самой природы автомобиля. Еще опасней считать самого себя человеком высоких идеалов, оттого что вы стараетесь никогда не говорить лжи (вместо того чтобы лгать лишь изредка), или никогда не совершать прелюбодеяния (вместо того чтобы совершать его крайне редко), или никогда не впадать в раздражение (а не просто быть умеренно раздражительным). Вы рисковали бы стать педантом и резонером, полагающим, что он — человек особенный, заслуживающий поздравлений за свой идеализм. На деле у вас столько же оснований ожидать поздравлений за то, что при сложении чисел вы стараетесь получить правильный ответ. Нет сомнений, что совершенное вычисление — это идеал; вы, безусловно, делаете временами ошибки. Однако нет особой заслуги, если вы стараетесь считать внимательно. Предельно глупо было бы не стараться, потому что любая ошибка принесет вам неприятности. Точно так же каждый моральный проступок чреват неприятностями, возможно — для других и непременно — для вас. Когда мы говорим о правилах и подчинении вместо «идеалов» и «идеализма», мы тем самым напоминаем себе об этих фактах.

Теперь сделаем еще один шаг вперед. Человеческая машина может выходить из строя двумя путями. Один — это когда человеческие индивиды удаляются друг от друга или, наоборот, когда они сталкиваются и причиняют друг другу вред обманом или грубостью. Второй — когда что-то ломается внутри индивида, то есть когда части его, атрибуты (например, способности, желания и т. п.) противоречат одно другому либо приходят в столкновение друг с другом.

Вам проще будет понять эту идею, если вы представите нас в виде кораблей, плывущих в определенном порядке. Плавание будет успешным только в том случае, если, во-первых, корабли не сталкиваются и не преграждают пути друг другу и, во-вторых, если каждый корабль годен к плаванию и двигатель у каждого — в полном порядке. Необходимо, чтобы исполнялись оба эти условия. Ведь если корабли будут постоянно сталкиваться, они скоро станут непригодными к плаванию. С другой стороны, если штурвалы не в порядке, они не смогут избежать столкновений. Или, если хотите, представьте себе человечество в виде оркестра, исполняющего какую-то мелодию. Чтобы игра получалась слаженной, необходимы два условия. Каждый инструмент должен быть настроен и каждый должен вступать в положенный момент, чтобы не нарушать общей гармонии.

Но мы с вами не учли одного. Мы не спросили, куда собирается наш флот или какую мелодию хочет сыграть наш оркестр. Инструменты могут быть хорошо настроенными, и каждый из них может вступать в нужный момент, но и в этом случае выступление не будет успешным, если музыкантам заказана танцевальная музыка, а они исполняют похоронный марш. И как бы хорошо ни проходило плавание, оно обернется неудачей, если корабли приплывут в Калькутту, тогда как порт их назначения — Нью-Йорк.

Соблюдение моральных норм связано, таким образом, со следующими тремя вещами. Первое — с честной игрой и гармоническими отношениями между людьми. Второе — с тем, что можно было бы назвать наведением порядка внутри самого человека.

И наконец, третье — с определением общей цели человеческой жизни; с тем, для чего человек создан; с тем, по какому курсу должен следовать флот; какую мелодию избирает для исполнения дирижер оркестра.

Вы, быть может, заметили, что наши современники почти всегда помнят о первом условии и забывают о втором и третьем. Когда пишут в газетах, что мы боремся за доброту и честную игру между нациями, классами и отдельными людьми, это и значит, что думают только о первом условии. Когда человек говорит о том, что он хочет сделать: «В этом нет ничего плохого, потому что это никому не вредит», — он думает только о первом условии. Он считает, что внутреннее состояние его корабля не имеет значения, если только оно не грозит столкновением кораблю соседнему. И вполне естественно, что, когда мы начинаем думать о морали, первое, что нам приходит в голову, — это общественные отношения. Почему? Да потому что, во-первых, последствия низкого морального состояния общества очевидны и давят на нас повседневно: это война и нищета, взяточничество и ложь, плохая работа. Кроме того, по первому пункту у нас почти не бывает разногласий с другими людьми. Почти все люди во все времена соглашались (в теории) с тем, что человеческие существа должны быть честными, добрыми, должны помогать друг другу. Однако, хотя и естественно с этого начинать, нельзя ставить на этом точку, ибо в таком случае вообще не было бы смысла размышлять о морали. До тех пор, пока мы не перейдем ко второму условию, мы будем лишь обманывать самих себя.

Разумно ли ожидать от капитанов, что они станут так поворачивать штурвалы, чтобы корабли их не сталкивались между собой, если сами корабли — старые, разбитые посудины, и штурвалы вообще не поворачиваются? Какой смысл записывать на бумаге правила общественного поведения, если мы знаем, что жадность, трусость, дурной характер и самомнение помешают нам эти правила выполнить? Я ни на секунду не предлагаю вам отказаться от мысли, и мысли серьезной, об улучшении нашей общественной и экономической системы. Я только хочу сказать, что все эти размышления о морали останутся просто «солнечным зайчиком», пока мы не поймем: ничто, кроме мужества и бескорыстия каждого человека, не заставит какую бы то ни было общественную систему работать, как надо. Не так уж трудно избавить граждан от тех или иных нарушений уголовного кодекса, скажем, взяточниками и хулиганами; но пока остаются взяточники и хулиганы, сохраняется угроза, что они протопчут себе новые дорожки, чтобы продолжить старую игру. Вы не можете сделать человека хорошим с помощью закона. А без хороших людей у вас не может быть хорошего общества. Вот почему нам не избежать второго условия, нравственного преобразования самого человека.

Здесь, я думаю, мы не сможем остановиться. Мы подходим сейчас к той точке, откуда расходятся различные линии поведения, в зависимости от несхожих представлений о Вселенной. Возникает соблазн тут и остановиться и стараться лишь придерживаться тех нравственных норм, с которыми соглашаются все разумные люди. Но можем ли мы это сделать? Не забывайте, что религия включает в себя ряд таких утверждений, которые либо соответствуют истине, либо они заблуждение. Если они истинны, из этого следуют одни заключения относительно того, правильным ли курсом следует человеческий флот, если ошибочны — то совершенно другие. Вернемся, например, к тому человеку, который утверждает, что поступок, не причиняющий вреда другому, не может считаться плохим. Он прекрасно понимает, что не должен причинять повреждений ни одному кораблю. Но он искренне полагает: что бы он ни делал со своим кораблем — это касается лишь его одного. Однако вопрос в том, является ли этот корабль его собственностью? Разве не важно, господин ли я моего собственного разума и тела, или только квартирант, ответственный перед настоящим хозяином? Если меня создал кто-то другой для своих целей, я несу перед ним ответственность, которой бы не имел, если бы принадлежал только себе.

Далее: христианство заявляет, что каждый человек будет жить вечно, и это — либо

истина, либо заблуждение. Из этого вытекает, что если мне суждено прожить каких-нибудь 70 лет, то о множестве вещей мне едва ли надо беспокоиться, но о них стоило бы беспокоиться, и очень серьезно, если бы мне предстояло жить вечно. Возможно, мой дурной характер становится все хуже или присущая мне зависть постоянно прогрессирует, но это происходит настолько постепенно, что изменения в худшую сторону, накопившиеся во мне за семьдесят лет, практически незаметны. Однако за миллион лет мои недостатки могли бы развиться во что-то ужасное. И если христианство не ошибается, «ад» — абсолютно верный технический термин, передающий то состояние, в какое приведут меня за миллионы лет зависть и дурной характер.

Затем проблема смертности или бессмертия человека обуславливает в конечном счете правоту тоталитаризма или демократии. Если человек живет только семьдесят лет, тогда государство, или нация, или цивилизация, которые могут просуществовать тысячу лет, безусловно, представляют большую ценность. Но если право христианство, то индивидуум не только важнее, а несравненно важнее, потому что он вечен и жизнь государства или цивилизации — лишь миг по сравнению с его жизнью.

Вот и выходит, что, если мы намерены задуматься о морали, нам придется думать обо всех трех разделах: об отношении человека к человеку, о внутреннем состоянии человека и об отношениях между человеком и той Силой, которая сотворила его. Мы все в состоянии прийти к согласию относительно первого пункта. Разногласия начинаются со второго и становятся очень серьезными, когда мы доходим до третьего пункта. Именно здесь проявляются основные различия между христианской и нехристианской моралью. В остальной части книги я собираюсь исходить из предпосылок христианской морали и из того, что христианство — право. На этом основании я и попытаюсь представить картину в целом.

II. ГЛАВНЫЕ ДОБРОДЕТЕЛИ Предыдущий раздел был первоначально составлен как краткая радиобеседа.

Если вам разрешается говорить только 10 минут, то приходится жертвовать всем ради краткости. Рассуждая о морали, я как бы поделил ее на три части (предложив пример с кораблями, плывущими конвоем), ибо хотел «охватить вопрос» и при этом быть как можно лаконичнее. Ниже я хочу познакомить вас с тем, как подразделяли это авторы прошлого. Они подходили к этому очень интересно, но для радиобесед их метод неприменим, так как требует очень много времени.

Согласно с этим методом существуют семь добродетелей. Четыре из них называются главными (или кардинальными), а остальные три — богословскими. Главные добродетели — это те, которые признают все цивилизованные люди. О богословских или теологических добродетелях знают, как правило, только христиане. Я подойду к этим теологическим добродетелям позднее. В настоящий момент меня занимают только четыре главные добродетели. Кстати, слово «кардинальные» не имеет ничего общего с «кардиналами» римской католической церкви. Оно происходит от латинского слова, означающего дверную петлю. Эти добродетели названы кардинальными, потому что они, так сказать, основа. К ним относятся благоразумие, воздержанность, справедливость и стойкость.

Благоразумие означает практический здравый смысл. Человек, обладающий им, всегда думает о том, что делает и что может из этого выйти. В наши дни большинство людей едва ли считают благоразумие добродетелью. Христос сказал, что мы сможем войти в Его мир, только если уподобимся детям, и христиане сделали вывод: если вы «хороший» человек, то, что вы глупы, роли не играет. Это не так. Во-первых, большинство детей проявляют достаточно благоразумия в делах, которые действительно для них интересны, и довольно тщательно их обдумывают. Во-вторых, как заметил апостол Павел, Христос совсем не имел в виду, чтобы мы оставались детьми по разуму. Совсем наоборот: Он призывал нас быть не только «кроткими, как голуби», но и «мудрыми, как змеи». Он хочет, чтобы мы, как дети, были просты, недвуличны,

любезобильны, восприимчивы. Но еще Он хочет, чтобы каждая частица нашего разума работала в полную силу и пребывала в первоклассной форме. То, что вы даете деньги на благотворительные цели, не значит, что вам не следует проверить, не идут ли ваши деньги в руки мошенников. То, что ваши мысли заняты Самим Богом (например, когда вы молитесь), не значит, что вы должны довольствоваться теми представлениями о Нем, которые были у вас в пять лет. Нет сомнений в том, что людей с недалеким от рождения разумом Бог будет любить и использовать не меньше, чем наделенных блестящим умом. У Него и для них есть место. Но Он хочет, чтобы каждый из нас в полной мере пользовался теми умственными способностями, которые нам отпущены. Цель не в том, чтобы быть хорошим и добрым, предоставляя привилегию быть умными другим, а в том, чтобы быть хорошим и добрым, стараясь при этом быть настолько умным, насколько это в наших силах. Богу противна лень интеллекта, как и любая другая.

Если вы собираетесь стать христианином, я хочу предупредить вас, что это потребует от вас полной отдачи и разума вашего, и всего остального. К счастью, это полностью компенсируется: всякий, кто искренне старается быть христианином, вскоре начинает замечать, как все острее становится его разум. Здесь одна из причин, почему не требуется специального образования, чтобы стать христианином: христианство — образование само по себе. Вот почему такой необразованный верующий, как Бенъян, сумел написать книгу, которая поразила весь мир.

Воздержанность — одно из тех слов, значение которых, к сожалению, изменилось. Сегодня оно обычно означает полный отказ от спиртного. Но в те дни, когда вторую из главных добродетелей окрестили «воздержанностью», это слово ничего подобного не означало. Воздержанность относилась не только к выпивке, но и ко всем удовольствиям, и предполагала не абсолютный отказ от них, но способность чувствовать меру, предаваясь удовольствиям, не переходить в них границы. Было бы ошибкой считать, что все христиане обязаны быть непьющими; мусульманство, а не христианство запрещает спиртные напитки. Конечно, в какой-то момент долгом христианина может стать отказ от крепких напитков — он чувствует, что не может вовремя остановиться, если начнет пить, либо находится в обществе людей, склонных к чрезмерной выпивке, и не должен поощрять их примером. Но суть в том, что он воздерживается в силу определенных, разумных причин от того, чего вовсе не клеймит. Некоторым скверным людям свойственна такая особенность: они не в состоянии отказаться от чего бы то ни было «в одиночку»; им надо, чтоб от этого отказались и все остальные. Это не христианский путь. Какой-то христианин может счесть для себя необходимым отказаться в силу тех или иных причин от брака, от мяса, от пива, от кино. Но когда он начнет утверждать, что все эти вещи плохи сами по себе, или смотреть свысока на тех людей, которые в этих вещах себе не отказывают, он встанет на неверный путь.

Большой вред был нанесен смысловым сужением слова. Благодаря этому люди забывают, что точно так же можно быть неумеренным во многом другом. Мужчина, который смыслом своей жизни делает гольф или мотоцикл, либо женщина, думающая лишь о нарядах, об игре в бридж или о своей собаке, проявляет такую же «неумеренность», как и пьяница, напивающийся каждый вечер. Конечно, их «неумеренность» не выступает столь явно — они не падают на тротуар из-за своей бриджемании или гольфомании. Но можно ли обмануть Бога внешними проявлениями!

Справедливость относится не только к судебному разбирательству. Это понятие включает в себя честность, правдивость, верность обещаниям и многое другое. И стойкость предполагает два вида мужества: то, которое не боится смотреть в лицо опасности, и то, которое дает человеку силы переносить боль. Вы, конечно, заметите, что невозможно достаточно долго придерживаться первых трех добродетелей без участия четвертой.

И еще на одно необходимо обратить внимание: совершить какой-нибудь благоразумный поступок и проявить выдержку — не то же самое, что быть

благоразумным и воздержанным. Плохой игрок в теннис может время от времени делать хорошие удары. Но хорошим игроком вы называете только такого человека, у которого глаз, мускулы и нервы настолько натренированы в серии бесчисленных отличных ударов, что на них действительно можно положиться. У такого игрока они приобретают особое качество, которое свойственно ему даже тогда, когда он не играет в теннис. Точно так же уму математика свойственны определенные навыки и угол зрения, которые постоянно присущи ему, а не только когда он занимается математикой. Подобно этому человек, старающийся всегда и во всем быть справедливым, в конце концов развивает в себе то качество характера, которое называется справедливостью. Именно качество характера, а не отдельные поступки имеем мы в виду, когда говорим о добродетели.

Различие это важно понять, ибо приравнивая отдельные поступки к качеству характера, мы рискуем ошибиться трижды.

1. Мы могли бы подумать, что если в каком-то деле поступили правильно, то не имеет значения, как и почему мы так поступили — добровольно или по принуждению, сетуя или радуясь, из страха перед общественным мнением или ради самого дела. Истина же в том, что добрые поступки, совершенные не из доброго побуждения, не способствуют формированию того качества нашего характера, имя которому добродетель. А именно такое качество и имеет значение. Если плохой теннисист ударит по мячу изо всех сил не из-за того, что в данный момент такой удар требуется, а из-за того, что он потерял терпение, то по чистой случайности его удар может помочь ему выиграть эту партию: но никак не поможет ему стать надежным игроком.

2. Мы могли бы подумать, что Бог лишь хочет от нас подчинения определенному своду правил, тогда как на самом деле Он хочет, чтобы мы стали людьми особого сорта.

3. Мы могли бы подумать, что добродетели необходимы только для этой жизни, в другом мире нам не надо будет стараться быть справедливыми, потому что там нет причин для раздоров; нам не придется проявлять смелость, потому что там не будет опасности. Возможно, все это так, и в мире ином нам не представится случая бороться за справедливость или проявлять храбрость. Но там нам, безусловно, потребуется быть людьми такого сорта, какими мы могли бы стать, только если б мужественно вели себя здесь, боролись за справедливость в нашей земной жизни. Суть не в том, что Бог не допустит нас в Свой вечный мир, если мы не обладаем определенными свойствами характера, а в том, что если здесь люди не обретут, по крайней мере, зачатков этих качеств, никакие внешние условия не смогут создать для них «рая», то есть дать им глубокое, незабываемое, великое счастье, такое счастье, какого желает для нас Бог.

III. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ Относительно той части христианской морали, которая касается человеческих взаимоотношений, в первую очередь необходимо уяснить следующее: Христос приходил не для того, чтобы проповедовать какую-то совершенно новую мораль. Золотое правило Нового завета — поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой, — лишь резюме того, что в глубине души каждый принимает за истину. Великие учителя нравственности никогда не выдвигали каких-то новых правил: этим занимались лишь шарлатаны и маньяки. Кто-то сказал: «Людам гораздо чаще надо напоминать, чем учить их чему-то новому». Истинная задача каждого учителя нравственности в том, чтобы снова и снова возвращать нас обратно к простым, старым принципам, которые мы все то и дело упускаем из виду; подобно тому как вы снова и снова приводите лошадь к барьеру, через который она отказывается прыгать; подобно тому как вы снова и снова заставляете ребенка возвращаться к тому разделу урока, от которого он норовит увильнуть.

Вторая вещь, которую следует себе уяснить относительно христианства, состоит в следующем: у него нет (и оно не утверждает, что есть) детально разработанной политической программы для применения в каком бы то ни было обществе, в определенный момент принципа: «Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой». Нет и быть не может. Ведь христианство рассчитано на всех людей,

на все времена, а конкретная программа, подходящая для какого-то одного времени и места, не подошла бы для других. Да и принцип работы у христианства совсем иной. Когда оно говорит вам, чтобы вы накормили голодного, то не дает вам урока кулинарии. Или когда говорит, чтобы вы читали Библию, то не преподает вам древнееврейскую, или греческую, или, скажем, английскую грамматику. Христианство никогда не преследовало цели подменить собою или вытеснить ту или иную отрасль человеческого знания; оно скорее выступает как направляющий фактор, как некий руководитель, который каждой отрасли знания (или искусства) отводит соответствующую роль; оно источник энергии, который способен во всех них вдохнуть новую жизнь, если только они отдадут себя в полное его распоряжение.

Люди говорят: «Церковь должна руководить нами». Это верно, если верно их представление о церкви; и ошибочно, если оно неправильно. Под церковью следует подразумевать всех истинно и активно верующих христиан земли вместе взятых. Тогда тезис «Церковь должна руководить нами» обретает следующее содержание: те христиане, которые наделены соответствующими талантами, должны быть, скажем, экономистами и государственными деятелями и все экономисты и государственные деятели должны быть христианами; и все их усилия в политике и экономике должны быть направлены на претворение в жизнь Золотого правила Нового завета.

Если бы так случилось и если бы мы, остальные, были действительно готовы принять это, тогда мы нашли бы христианское решение всех наших социальных проблем довольно быстро. Но на деле под руководящей ролью церкви большинство понимает некий направляемый духовенством политический курс или разработку церковными деятелями особой политической программы. Это глупо. Церковнослужители — особая группа людей в пределах церкви, которые избраны и специально подготовлены для наблюдения за такими вещами, которые важны для нас, потому что мы предназначены для вечной жизни. А мы просим этих людей взяться за дело, которому они никогда не учились. Политикой и экономикой следует заниматься, за них надо отвечать нам, рядовым верующим. Применение христианских принципов к профсоюзной деятельности или к образованию должно исходить от христианских профсоюзных деятелей и христианских учителей; точно так же как христианскую литературу создают христианские писатели и драматурги, а не епископы, собравшиеся вместе и пытающиеся писать в свободное время повести и романы.

И тем не менее Новый завет, не вдаваясь в детали, дает нам довольно ясный намек на то, каким должно быть истинно христианское общество. Возможно, он дает нам немного больше, чем мы готовы принять. В Новом завете говорится, что в таком обществе нет места паразитам: «Кто не работает, да не ест». Каждый должен был бы трудиться, и труд каждого приносил бы пользу; такое общество не нуждалось бы в производстве глупой роскоши и в еще более глупой рекламе, убеждающей эту роскошь покупать. Этому обществу чужды чванливость, зазнайство, притворство.

В каком-то смысле христианское общество соответствовало бы идеалу сегодняшних «левых». С другой стороны, христианство решительно настаивает на послушании, покорности (и внешнем уважении) представителям власти, которые соответствовали бы занимаемому положению, покорности детей родителям и (боюсь, это требование уж очень непопулярно) покорности жен своим мужьям. Далее, общество это должно быть жизнерадостным.

Беспокойство и страх должны в нем рассматриваться как отклонение от нормы. Естественно, члены его взаимно вежливы, так как вежливость — тоже одна из христианских добродетелей.

Если бы такое общество действительно существовало и нам с вами посчастливилось его посетить, оно произвело бы на нас любопытное впечатление. Мы увидели бы, что экономическая политика напоминает социалистическую и по существу — прогрессивна, а семейные отношения и стиль поведения выглядят довольно старомодно — возможно, они

даже показались бы нам церемонными и аристократическими. Каждому из нас понравились бы отдельные частицы такого общества, но я боюсь, что мало кому из нас понравилось бы все как есть.

Именно этого и следовало бы ожидать, если бы мы на основе христианства пытались составить генеральный план для всего человеческого содружества. Ведь все мы так или иначе отошли от этого единого плана, и каждый из нас пытается сделать вид, будто изменения, вносимые им лично — и есть самый план. Вы убеждаетесь в этом всякий раз, когда сталкиваетесь с теми или иными аспектами христианства: каждому нравятся те или иные стороны, которые он хотел бы объявить незыблемыми, отказавшись от всего остального. Поэтому-то нам не слишком удается продвинуться вперед; поэтому-то люди, борющиеся, в сущности, за противоположные вещи, утверждают, что именно они борются за торжество христианства.

Еще одно: древние греки, евреи Ветхого Завета и великие христианские мыслители средневековья дали нам совет, который совершенно игнорирует современная экономическая система. Все люди прошлого предостерегали: не давайте деньги в рост. Однако одалживание денег под проценты — то, что мы называем «помещением капитала», — основа всей нашей системы. Делать отсюда категорический вывод, что мы не правы, не следует. Некоторые люди говорят: Моисей, Аристотель и христиане едины во мнении, что «ростовщичество» следует запретить, ибо они не могли предвидеть акционерных обществ. Они имели в виду только индивидуальных ростовщиков, и предостережение их не должно нас беспокоить.

Тут я ничего не могу сказать. Я не экономист и просто не знаю, виновата или нет эта система вложения капитала в состоянии современного общества. Это именно та область, где нам нужен христианин-экономист. Но просто нечестно не сказать вам, что три великие цивилизации единодушно (по крайней мере, на первый взгляд) сошлись на осуждении того, на чем основана вся наша жизнь.

Еще одно, прежде чем я покончу с этим. В том стихе Нового завета, где говорится, что каждый должен работать, указывается и причина: «...трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся» (Еф. 4, 28). Благотворительность, то есть забота о бедных, существенная часть христианской морали. В пугающей притче об овцах и козлах дается как бы стержень, вокруг которого вращается все остальное. В наши дни некоторые люди говорят, что в благотворительности нет необходимости. Вместо этого мы должны создать такое общество, в котором не будет бедных. Они, возможно, абсолютно правы, мы должны создать такое общество. Но если кто-нибудь думает, что из-за этого мы можем уже сейчас прекратить благотворительную деятельность, такой человек отходит от христианской морали. Не думаю, чтобы кто-нибудь мог точно установить, сколько следует давать бедным. Я боюсь, единственный способ избежать ошибки — давать больше, чем мы можем отложить. Иными словами, если мы расходует на удобства, роскошь, удовольствия приблизительно столько же, сколько другие люди с таким же доходом, то на благотворительные цели мы, видимо, даем слишком мало. И если, давая, мы не ощущаем никакого ущерба для себя, значит, мы даем недостаточно. Должны быть такие желанные для нас вещи, от которых нам приходится отказываться, потому что наши расходы на благотворительность делают их недоступными. Я говорю сейчас об обычных случаях. Когда случается несчастье с нашими родственниками, друзьями, соседями или сотрудниками, Бог может потребовать гораздо больше, вплоть до того, что наше собственное положение окажется под угрозой. Для многих из нас величайшее препятствие к благотворительности — не любовь к роскоши или деньгам, а неуверенность в завтрашнем дне. Этот страх чаще всего

— искушение. Иногда нам мешает тщеславие; мы поддаемся искушению истратить больше, чем следует, на показную щедрость (чаевые, гостеприимство) и меньше, чем следует, на тех, кто действительно нуждается в помощи.

А сейчас, прежде чем я закончу, я постараюсь угадать, как подействовал этот раздел

книги на тех, кто его прочитал. Я предполагаю, что среди читателей есть так называемые «левые», которых возмутило, что я не пошел дальше. Люди же противоположных взглядов, вероятно, думают, что я, наоборот, слишком далеко зашел влево. Если так, то в наших проектах построения христианского общества мы наталкиваемся на камень преткновения. Дело в том, что большинство из нас подходит к этому не с целью выяснить, что говорит христианство, а с надеждой найти в христианстве поддержку собственной точке зрения. Мы ищем союзника там, где нам предлагается либо Господин, либо Судья. К сожалению, и сам я — такой же. В этом разделе есть мысли, которые я хотел бы опустить. Вот почему подобные разговоры ни к чему не приведут, если мы не готовы пойти длинным, кружным путем. Христианское общество не возникнет до тех пор, пока большинство не захочет его по-настоящему; а мы не захотим его по-настоящему, пока не станем христианами. Я могу повторять Золотое правило, пока не посинею, однако не стану ему следовать, пока не научусь любить ближнего, как самого себя. А я не научусь любить ближнего, как самого себя, до тех пор, пока не научусь любить Бога. Но я могу научиться любить Бога только тогда, когда я научусь повиноваться Ему. Словом, как я и предупреждал, это ведет нас к проблеме нашего внутреннего «я», то есть от вопросов социальных — к вопросам религиозным. Ибо самый длинный кружной путь — кратчайший путь домой.

IV. МОРАЛЬ И ПСИХОАНАЛИЗ Я сказал, что нам не удастся установить христианского общества до тех пор, пока большинство из нас не станет христианами. Это, конечно, не значит, что мы можем отказаться от преобразований общества вплоть до какой-то воображаемой даты. Напротив, нам следует взяться за два дела одновременно: первое — мы должны искать все возможные пути для применения Золотого правила в современном обществе; и второе — мы сами должны стремиться стать такими людьми, которые действительно будут применять это правило, если увидят, как это делать. А сейчас я хочу начать разговор о том, что такое «хороший человек» в христианском понимании.

Прежде чем я перейду к деталям, я хотел бы остановиться на двух пунктах более общего характера.

Во-первых, христианская мораль объявляет себя инструментом, который способен наладить человеческую машину, и, я думаю, вам интересно узнать, есть ли что-нибудь общее у христианства с психоанализом, который как будто бы предназначен для той же цели. Тут нам придется установить четкое разграничение между двумя вопросами: между существующими медицинскими теориями и техникой психоанализа, с одной стороны, и общим философским взглядом на мир, который Фрейд и другие связывали с психоанализом, — с другой. Философия Фрейда прямо противоречит христианству и философии другого великого психолога — Юнга. Когда Фрейд говорит о том, как лечить неврозы, он рассуждает как специалист в своей области. Но когда он переходит к вопросам философии, то превращается в любителя. Поэтому есть все основания прислушиваться к нему в первом случае, но не во втором. Именно так я и поступаю, и с тем большей уверенностью, что убедился: когда Фрейд оставляет свою тему и принимается за другую, которая мне знакома (я имею ввиду языкознание), то проявляет крайнее невежество. Однако сам психоанализ, независимо от всех философских обоснований и выводов, которые делают из него Фрейд и его последователи, ни в какой мере не противоречит христианству. Его методика перекликается с христианской моралью во многих пунктах. Поэтому неплохо, если бы каждый проповедник познакомился — более или менее — с психоанализом. Но надо при этом помнить, что психоанализ и христианская мораль не идут рука об руку от начала и до конца, поскольку задачи перед ними поставлены разные.

Когда человек делает выбор в области морали — налицо два процесса. Первый — сам акт выбора. Второй — проявление различных чувств, импульсов и тому подобного, зависящих от психологической установки человека и как бы являющихся тем сырьем, из

которого «лепится» решение. Существуют два вида такого сырья. В основе первого лежат чувства, которые мы называем нормальными, поскольку они типичны для всех людей. Второй — определяется набором более или менее неестественных чувств, вызванных какими-то отклонениями от нормы на уровне подсознания.

Страх перед теми или иными вещами, которые действительно представляют опасность, будет примером первого вида: безрассудный страх перед котами или пауками — примером второго вида. Стремление мужчины к женщине относится к первому виду; извращенное стремление одного мужчины к другому — ко второму. Что же делает психоанализ? Он старается избавить человека от противоестественных чувств, чтобы предоставить ему более доброкачественное «сырье» в момент морального выбора. Мораль же имеет дело с самими актами выбора.

Давайте рассмотрим это на примере. Представьте себе, что трое мужчин отправляются на войну. Один из них испытывает естественный страх перед опасностью, свойственный каждому нормальному человеку; он подавляет этот страх с помощью нравственных усилий и становится храбрым. Теперь предположим, что двое других из-за отклонений в подсознании страдают преувеличенным страхом, победить который не дано никаким нравственным усилиям. Далее представим, что в военное подразделение, где они служат, приезжает психоаналитик, исцеляет их от противоестественного страха и теперь эти двое ничем не отличаются от первого, нормального мужчины. Это разрешение психологических проблем. Однако тут-то и возникает проблема нравственная. Почему? Да потому, что теперь, когда оба страдавших отклонениями от нормы излечились, они могут избрать совершенно разные линии поведения. Первый из них может сказать: «Слава Богу, я избавился от этого идиотского страха. Теперь я могу делать то, к чему всегда стремился, — исполнять свой долг перед родиной».

Однако другой может рассудить иначе: «Ну что ж, я очень рад, что сейчас я чувствую себя сравнительно спокойно под пулями. Но это, конечно, не меняет моего намерения. Чем лезть в пекло самому, позволю кому-нибудь другому, если только представится возможность, принять огонь на себя. Вот хорошо! Теперь я смогу уберечь себя, не привлекая при этом внимания».

Разница — чисто моральная, психоанализ в этом случае бессилён. Как бы вы ни улучшали исходное «сырье», вам все-таки придется столкнуться со свободным выбором, который, в конечном счете, продиктован тем, на какое место человек ставит свои интересы — на первое или на последнее. Именно нашим свободным выбором — и только им — определяется мораль.

Плохой психологический материал — не грех, а болезнь. Тут требуется не покаяние, а лечение. Это, между прочим, очень важно понимать. Люди судят друг о друге по внешним проявлениям. Бог судит нас на основе того морального выбора, который мы делаем. Когда психически больной человек, испытывающий патологический страх к кошкам, движимый добрыми побуждениями, заставляет себя подобрать котенка, вполне возможно, что в глазах Бога он проявляет больше мужества, чем здоровый человек, награжденный медалью за храбрость в сражении. Когда человек, крайне испорченный с детства, привыкший думать, что жестокость — это достоинство, проявляет хоть немножечко доброты или воздерживается от жестокого поступка и, таким образом, рискует быть осмеянным друзьями, он, быть может, в глазах Бога делает больше, чем сделали бы мы с вами, пожертвовав жизнью ради друга.

К этой же самой идее можно подойти и с другой стороны. Многие из нас производят впечатление очень милых, славных людей. Но на деле, возможно, мы приносим лишь незначительную часть той пользы, которую могли бы принести, принимая во внимание нашу хорошую наследственность и отличное воспитание. Поэтому в действительности мы хуже, чем те, кого сами считаем злодеями. Можем ли мы с уверенностью сказать, как бы мы себя повели, если бы были наделены психологическими комплексами, да вдобавок плохо воспитаны и, сверх всего, получили бы власть, ну, скажем, Гимmlера? Вот почему

христианам сказано: не судите.

Мы видим только плоды, которые получились из сырья вследствие выбора, сделанного человеком. Но Бог судит его не за качество сырья, а за то, как он использовал его. Большая часть психологических свойств зависит от физиологических особенностей, но когда тело отмирает, остается лишь нетленный истинный человек, который выбирал и теперь несет ответственность за лучшее или худшее использование того материала, что был в его распоряжении. Всевозможные добродетельные поступки, которые мы считали проявлением наших собственных достоинств, были, оказывается, результатом нашего хорошего пищеварения, и они не зачтутся нам; не зачтется и другим многое плохое, что совершали они по причине различных комплексов или плохого здоровья. И тогда, наконец, мы впервые увидим каждого таким, каков он есть. Нас ожидает немало сюрпризов.

Все это ведет ко второму пункту. Люди часто думают о христианской морали как о сделке. Бог говорит: «Если вы выполните столько-то правил, я награжу вас. А если вы не будете их соблюдать, то поступлю с вами иначе». Я не думаю, что это наилучшее понимание христианской морали. Скорее, делая выбор, вы чуть-чуть преобразуете основную, истинную часть самого себя, ту часть, которая ответственна за выбор, во что-то новое, чем она прежде не была. И если взять всю вашу жизнь в целом, со всеми бесчисленными выборами, то окажется, что на протяжении всей жизни вы медленно обращали эту главную часть либо в небесное, либо в адское существо; либо в такое, которое пребывает в гармонии с Богом, с другими, себе подобными созданиями и с самим собой, либо в иное, пребывающее и с Богом, и с себе подобными, и с собою — в состоянии войны. Относиться к первой категории значит принадлежать небу, то есть вкушать радость и мир, обретать знание и силу. Быть же существом второй категории означает терзаться безумием и страхом, страдать от гнева, бессилия и вечного одиночества. Каждый из нас в каждый данный момент своего существования движется либо в том, либо в другом направлении.

В этом — объяснение одной особенности, которая постоянно озадачивала меня у христианских авторов: в иной момент они кажутся крайне строгими, а в иной — чересчур снисходительными и либеральными. Они говорят о грешных мыслях как о чем-то невероятно серьезном: а затем, касаясь самых страшных убийц и предателей, заявляют: стоит им только раскаяться, и они будут прощены. Позднее я пришел к выводу, что они правы. Ведь их мысли прикованы к той зарубке, которую оставляет каждый наш поступок на крошечной, но главной части человеческого «я»; никто в этой жизни его не видит, но все мы будем терзаться или — наоборот — наслаждаться им вечно. Один человек занимает такое положение, что его гнев приведет к кровопролитию и гибели тысяч людей. Положение другого таково, что, каким бы гневом он ни пылал, над ним будут только смеяться. Однако маленькая зарубка на внутреннем «я» каждого из них может быть одинаковой в обоих случаях. Каждый из них причинил себе вред, и если каждый из них не покается, то в следующий раз ему будет еще труднее противиться искушению гнева, и с каждым новым разом гнев его будет все яростнее. Однако если каждый из них всерьез, по-настоящему обратится к Богу, то сумеет выпрямить вывих, который исказил его внутреннее «я»; и каждый из них в конечном счете обречен, если не сделает этого. Масштабы поступка, как они видятся со стороны, роли не играют.

И еще одно, последнее. Помните, я говорил, что правильное направление ведет не только к миру, но и к знанию. По мере того как человек становится лучше, он яснее видит то зло, которое еще остается в нем; становясь же хуже, меньше замечает его в себе. Умеренно плохой человек знает, что он не очень хорош, тогда как человек, насквозь испорченный, полагает, что с ним все в порядке. О том, что это так, говорит нам здравый смысл. Вы понимаете, что значит спать, когда бодрствуете, а не когда спите. Вы заметите арифметические ошибки, когда голова ваша работает четко и ясно: делая ошибки, вы их не замечаете. Вы можете понять природу опьянения только трезвым, а не когда пьяны.

Хорошие люди знают и о добре, и о зле; плохие не знают ни о том, ни о другом,

НРАВСТВЕННОСТЬ В ОБЛАСТИ ПОЛА

А теперь мы должны рассмотреть, как относится христианская мораль (нравственность) к вопросу половых отношений и что христиане называют добродетелью целомудрия. Христианское правило целомудрия не следует путать с общественными правилами скромности, приличия или благопристойности. Общественные правила приличия устанавливают, до какого предела допустимо обнажать человеческое тело, каких тем прилично касаться в разговоре и какие выражения употреблять в соответствии с обычаями данного социального круга. Таким образом, нормы целомудрия одни и те же для всех христиан во все времена, правила приличия меняются. Девушка с Тихоокеанских островов, которая едва-едва прикрыта одеждой, и викторианская леди, облаченная в длинное платье, закрытое до самого подбородка, могут быть в равной степени приличными, скромными или благопристойными, согласно стандартам общества, в котором они живут; и обе, независимо от одежды, которую носят, могут быть одинаково целомудренными (или, наоборот, нескромными). Отдельные слова и выражения, которыми целомудренные женщины пользовались во времена Шекспира, можно было бы услышать в девятнадцатом веке только от женщины, потерявшей себя. Когда люди нарушают правила пристойности, принятые в их обществе, чтобы разжечь страсть в себе или в других, они совершают преступление против нравственности. Но если они нарушают эти правила по небрежности или невежеству, то повинны лишь в плохих манерах. Если, как часто случается, они нарушают эти правила намеренно, чтобы шокировать или смутить других, это не обязательно говорит об их нескромности, скорее — об их недоброте.

Только недобрый человек испытывает удовольствие, ставя других в неловкое положение. Я не думаю, чтобы чрезмерно высокие и строгие нормы приличия служили доказательством целомудрия или помогали ему; и потому значительное упрощение и облегчение этих норм в наши дни рассматриваю как явление положительное.

Однако тут есть и неудобство: люди различных возрастов и несхожих типов признают различные стандарты приличия. Создается большая неразбериха. Я думаю, пока она остается в силе, старым людям или людям со старомодными взглядами следует очень осторожно судить о молодежи. Они не должны делать вывод, что молодые или «эмансипированные» люди испорчены, если (согласно старым стандартам) они ведут себя неприлично. И наоборот, молодым людям не следует называть старших ханжами или пуританами из-за того, что, те не в состоянии с легкостью принять новые стандарты. Подлинное желание видеть в других все хорошее, что в них есть, и делать все возможное, чтобы эти «другие» чувствовали себя как можно легче и удобнее, привело бы к решению большинства подобных проблем.

Целомудрие — одна из наименее популярных христианских добродетелей. В этом вопросе нет исключений; христианское правило гласит: «Либо женись и храни абсолютную верность супруге (или супругу), либо соблюдай полное воздержание». Это настолько трудное правило, и оно настолько противоречит нашим инстинктам, что напрашивается вывод: либо не право христианство, либо с нашими половыми инстинктами в их теперешнем состоянии что-то не в порядке. Либо то, либо другое. И конечно, будучи христианином, я считаю, что неладно с нашими половыми инстинктами.

Но так считать у меня есть и другие основания. Биологическая цель сексуальных отношений — это дети, как биологическая цель питания — восстановление нашего организма. Если мы будем есть, когда нам хочется и сколько нам хочется, то, скорее всего, мы будем есть слишком много, но все-таки не катастрофически много. Один человек может есть за двоих, но никак не за десятерых. Аппетит переходит границу биологической цели, но не чрезмерно. А вот если молодой человек даст волю своему

половому аппетиту и если в результате каждого акта будет рождаться ребенок, то в течение десяти лет этот молодой человек сможет заселить своими потомками небольшой город. Этот вид аппетита несоразмерно выходит за границу своих биологических функций. Рассмотрим это с другой стороны. На представление стриптиза вы можете легко собрать огромную толпу. Всегда найдется достаточно желающих посмотреть, как раздевается на сцене женщина. Предположим, мы приехали в какую-то страну, где театр можно заполнить зрителями, собравшимися ради довольно странного спектакля: на сцене стоит блюдо, прикрытое салфеткой, затем салфетка начинает медленно подниматься, постепенно открывая взгляду содержимое блюда; и перед тем как погаснут театральные огни, каждый зритель может увидеть, что на блюде лежит баранья отбивная или кусок ветчины. Когда вы увидите все это, не придет ли вам в голову, что у жителей этой страны что-то неладное с аппетитом? Ну а если кто-то, выросший в другом мире, увидел бы сцену стриптиза, не подумал ли бы он, что с нашим половым инстинктом что-то не в порядке?

Один критик заметил, что, если бы он обнаружил страну, где пользуется популярностью этаким акт «стриптиза», он решил бы, что народ в этой стране голодает. Критик хотел сказать, что увлечение стриптизом похоже не на половое извращение, но скорее на половое голодание. Я согласен с ним, что если в какой-то неизвестной стране люди проявляют живой интерес к упомянутому «стриптизу» отбивной, то одним из объяснений мог бы быть голод. Однако сделаем следующий шаг и проверим нашу гипотезу, выяснив, много или мало пищи потребляет житель предполагаемой страны. Если наблюдения покажут, что едят здесь немало, нам придется отказаться от первоначальной гипотезы и поискать другое объяснение. Так и с зависимостью между половым голоданием и интересом к стриптизу: мы должны выяснить, превосходит ли половое воздержание нашего века половое воздержание других столетий, когда стриптиза не было. Такого воздержания мы не находим. Противозачаточные средства резко снизили риск, связанный с половыми излишествами, и ответственность за них и в пределах брака, и вне его; общественное мнение стало гораздо более снисходительным к незаконным связям и даже к извращениям по сравнению со всеми остальными веками с послеязыческих времен. К тому же гипотеза о «половом голодании» не единственно возможное объяснение. Каждый знает, что половой аппетит, как и всякий другой, стимулируется излишествами. Вполне возможно, что голодающий много думает о еде. Но то же самое делает и обжора.

И еще одно, третье соображение. Немногие желают есть то, что пищей не является, или делать с пищей что-либо другое, а не есть ее. Иными словами, извращенный аппетит к пище — вещь крайне редкая. А вот извращения сексуальные — многочисленны, пугающи и с трудом поддаются лечению. Мне не хотелось бы вдаваться во все эти детали, но придется. Делать это приходится потому, что в последние двадцать лет нас день за днем кормили отборной ложью о сексе. Нам повторяли до тошноты, что половое желание в такой же степени правомерно, как и любое другое естественное желание; нас убеждали, что, если только мы откажемся от глупой викторианской идеи подавлять это желание, все в нашем человеческом саду станет прекрасно. Это — неправда. Как только вы, отвернувшись от пропаганды, переведете взгляд на факты, вы увидите, что это ложь.

Вам говорят, что половые отношения пришли в беспорядок из-за того, что их подавляли. Но в последние 20 лет их не подавляют. О них судачат повсюду, весь день напролет, а они все еще не пришли в норму. Если вся беда в подавлении секса, в замалчивании, то с наступлением свободы проблема должна бы разрешиться. Однако этого не случилось. Я считаю, что все было как раз наоборот: когда-то, в самом начале, люди начали обходить этот вопрос именно из-за того, что он выходил из-под контроля, превращался в чудовищную неразбериху.

Современные люди говорят: «В половых отношениях нет ничего постыдного». Под этим они могут подразумевать две вещи. Они могут иметь в виду, что нет ничего постыдного как в том, что человечество воспроизводит себя определенным способом, так

и в том, что способ этот сопряжен с удовольствием. Если так, то они правы. Христианство полностью с этим согласно. Беда не в самом способе и не в удовольствии. В старину христианские учителя говорили: «Если бы человек не пал, то получал бы гораздо больше удовольствия от половых отношений, чем получает теперь». Я знаю, что некоторые туповатые христиане создали впечатление, будто с точки зрения христианства половые отношения, тело, физические удовольствия — зло сами по себе. Эти люди совершенно не правы. Христианство — почти единственная из великих религий, которая одобрительно относится к телу, которая считает, что материя — это добро, что Сам Бог однажды облекся в человеческое тело, что нам будет дано какое-то новое тело даже на небесах и это новое тело станет существенной составной частью нашего счастья, нашей красоты, нашей силы. Христианство возвеличило брак больше, чем любая другая религия, и почти все величайшие поэмы о любви написаны христианами. Если кто-нибудь говорит, что половые отношения — зло, христианство тут же возражает.

Однако когда сегодня люди говорят: «В половых отношениях нет ничего постыдного», они могут подразумевать, что нет ничего предосудительного в том положении, в котором пребывают эти отношения сегодня. Если они это имеют в виду, то, я думаю, они не правы. Я считаю, что сегодняшнее положение с сексом — весьма и весьма постыдное. Нет ничего постыдного в наслаждении едой; но было бы крайне позорно для человечества, если бы половина населения земного шара сделала пищу главным интересом в своей жизни и проводила время, глядя на картинки, изображающие съедобное, облизываясь и пуская слюну. Я не хочу сказать, что мы с вами лично ответственны за сложившуюся ситуацию. Мы страдаем от искаженной наследственности, которую передали нам наши предки. Кроме того, мы выросли под гром пропаганды невоздержания. Существуют люди, которые ради прибыли желают, чтобы наши половые инстинкты были постоянно возбуждены, потому что человек, одержимый навязчивой идеей или страстью, едва ли способен удержаться от расходов на ее удовлетворение. Бог знает о нашем положении и, когда Он будет нас судить, примет во внимание все трудности, которые нам приходилось преодолевать. Важно только, чтобы мы искренне и настойчиво желали преодолеть эти трудности.

Мы не можем исцелиться прежде, чем захотим. Те, которые действительно ищут помощи, получают ее. Но многим современным людям даже пожелать этого трудно. Легко думать, будто мы хотим чего-то, когда на самом деле вовсе этого не хотим. Давно еще один известный христианин сказал, что когда он был молодым, то постоянно молился, чтобы Бог наделил его целомудрием. И лишь много лет спустя он осознал, что, пока его губы шептали: «О Господи, сделай меня целомудренным», сердце втайне добавляло: «Только, пожалуйста, не сейчас». То же самое может случиться и с молитвами о других добродетелях.

Существуют три причины, почему в настоящее время нам особенно трудно желать целомудрия; я уже не говорю о том, чтобы достичь его.

Во-первых, наша искаженная природа, бесы, искушающие нас, и вся современная пропаганда похоти, объединившись, внушают нам, что желания, которым мы противимся, так естественны и разумны и направлены на укрепление нашего здоровья, что сопротивление им — своего рода ненормальность, почти извращение. Афиша за афишей, фильм за фильмом, роман за романом связывают склонность к половым излишествах с физическим здоровьем, естественностью, молодостью, открытым и веселым характером. Подобная параллель — лжива. Как всякая сильно действующая ложь, она замешана на правде, о которой мы говорили выше: половое влечение само по себе (за исключением излишеств и извращений) — нормальный и здоровый инстинкт. Ложь — в предположении, что любой половой акт, которого вы желаете в данный момент, здоров и нормален. Даже если оставить христианство в стороне, с точки зрения элементарной логики это лишено смысла. Ведь очевидно, что уступка всем нашим желаниям ведет к импотенции, болезням, ревности, лжи и всему тому, что никак не согласуется со

здоровьем, веселым нравом и открытостью. Чтобы достичь счастья даже в этом мире, необходимо быть как можно более воздержанным. Поэтому нет оснований считать, что любое сильное желание естественно и разумно. Каждому здравомыслящему и цивилизованному человеку должны быть присущи какие-то принципы, руководствуясь которыми он одни свои желания осуществляет, другие отвергает. Один человек руководствуется христианскими принципами, другой — гигиеническими, третий — социальными. Настоящий конфликт происходит не между христианством и «природой», а между христианскими принципами и принципами контроля над «природой». Ведь «природу» (то есть естественные желания) так или иначе приходится контролировать, если мы не желаем разрушить свою жизнь. Следует признать, что христианские принципы строже других. Но христианство само помогает верующему в соблюдении их, тогда как при соблюдении других принципов вы никакой внешней помощи не получаете.

Во-вторых, многих людей отпугивает самая мысль о том, чтобы всерьез следовать христианским принципам целомудрия, ибо они считают (прежде, чем попробовали), что это невозможно. Но, испытывая что бы то ни было, нельзя думать о том, возможно это или нет. Ведь над экзаменационной задачей человек не раздумывает, но старается сделать все, на что способен. Даже самый несовершенный ответ будет как-то оценен; но если он вообще не ответит на вопрос, то и оценки не получит. Не только на экзаменах, но и на войне, либо занимаясь альпинизмом, или когда учатся кататься на коньках, плавать или ездить на велосипеде, даже застегивая тугий воротник замерзшими пальцами, люди часто совершают то, что казалось невозможным прежде, чем они попробовали. Поразительно, на что мы способны, когда заставляет необходимость.

Мы можем быть уверены в том, что совершенного целомудрия, как и совершенного милосердия, не достигнуть одними человеческими усилиями. Вы должны попросить Божьей помощи. Но даже после того, как вы ее попросили, долгое время вам может казаться, что вы этой помощи не получаете или получаете ее недостаточно. Не падайте духом. Всякий раз, когда оступаетесь, просите прощения, собирайтесь с духом и делайте новую попытку. Очень часто поначалу Бог дает не самую добродетель, а силы на все новые и новые попытки. Какой бы важной добродетелью ни было целомудрие (или храбрость, или правдивость, или любое другое достоинство), самый процесс развивает в нас такие душевные навыки, которые еще важнее. Этот процесс освобождает нас от иллюзий об эффективности собственных усилий и учит во всем полагаться на Бога. Мы учимся, с одной стороны, тому, что не можем полагаться на самих себя даже в наши лучшие моменты, а с другой — тому, что и в случае самых ужасных неудач нам не следует отчаиваться, потому что неудачи наши — прощены. Единственной роковой ошибкой для нас было бы успокоиться на том, что мы есть, не стремясь к совершенству; В-третьих, люди часто превратно понимают то, что в психологии называется «подавлением». Психология учит, что «подавляемые половые инстинкты» представляют из себя серьезную опасность. Но слово «подавляемые»

— технический термин. Оно не значит «пренебрегаемые» или «отвергаемые». Подавленное желание или мысль отбрасывается в наше подсознание (обычно в очень раннем возрасте) и может возникнуть в сознании только в видоизмененной до неузнаваемости форме. Подавленные половые инстинкты могут проявляться как нечто, не имеющее к сексу никакого отношения. Когда подросток или взрослый человек сопротивляется какому-то осознанному желанию, он ни в коей мере не создает для себя опасности «подавления». Напротив, те, кто серьезно пытаются хранить целомудрие, лучше осознают половую сторону своей природы и знают о ней гораздо больше, чем другие люди. Они познают свои желания, как Веллингтон знал Наполеона или как Шерлок Холмс знал Мориарти; они разбираются в них, как крысолов в крысах, а слесарь-водопроводчик — в протекающих трубах. Добродетель — пусть даже не достигнутая, но желаемая — приносит свет, излишества лишь затуманивают сознание.

И наконец, несмотря на то что мне пришлось так долго говорить о сексе, я хочу,

чтобы вы ясно поняли: центр христианской морали — не здесь. Если кто-нибудь полагает, что отсутствие целомудрия христиане считают наивысшим злом, то он заблуждается. Грехи плоти — очень скверная штука, но они наименее серьезные из всех грехов. Самые ужасные, вредоносные удовольствия чисто духовны: это удовольствие соблазнять других на зло; желание навязывать другим свою волю, клеветать, ненавидеть, стремиться к власти. Ибо во мне живут два начала, соперничающие с тем «внутренним человеком», которым я должен стремиться стать. Это — животное начало и дьявольское. Последнее — наихудшее из них. Вот почему холодный самодовольный педант, регулярно посещающий церковь, может быть гораздо ближе к аду, чем проститутка. Но конечно, лучше всего не быть ни тем, ни другой.

ХРИСТИАНСКИЙ БРАК

Последняя глава преимущественно в отрицательном свете трактовала проявление сексуальных импульсов; я почти не коснулся положительных аспектов, а именно христианского брака.

Обсуждать вопросы супружеских отношений я не хотел бы по двум, в частности, причинам. Первая — в том, что христианская доктрина о браке крайне непопулярна. А вторая — в том, что сам я никогда не был женат и, следовательно, могу говорить только с чужих слов. Но, несмотря на это, я полагаю, что, рассуждая о вопросах христианской морали, едва ли можно обойти ее стороной.

Христианская идея брака основывается на словах Христа, что мужа и жену следует рассматривать как единый организм. Ибо именно это означают Его слова «одна плоть». И христиане полагают, что, когда Иисус произносил их. Он констатировал факт, так же как констатацией факта были бы слова, что замок и ключ составляют единый механизм или что скрипка и смычок — один музыкальный инструмент. Он, Изобретатель человеческой машины, сказал нам, что две ее половины — мужская и женская — созданы для того, чтобы соединиться в пары, причем не только ради половых отношений; союз этот должен быть всесторонним. Уродство половых связей вне брака в том, что те, кто вступают в них, пытаются изолировать один аспект этого союза (половой) от всех остальных. Между тем именно в неразделимости их — залог полного и совершенного союза. Христианство не считает, что удовольствие, получаемое от половых отношений, более греховно, чем, скажем, удовольствие от еды. Но оно считает, что нельзя прибегать к ним лишь как к источнику удовольствия: это так же противоестественно, как, например, наслаждаться вкусом пищи, избегая глотания и пищеварения, то есть жуя пищу и выплевывая.

И, как следствие этого, христианство учит, что брак — союз двух людей на всю жизнь. Верно, что разные церкви придерживаются на этот счет не совсем схожих мнений. Некоторые не разрешают развода совсем. Другие разрешают его очень неохотно, только в особых случаях. Очень печально, что между христианами нет согласия в таком важном вопросе. Но справедливость требует отметить, что между собой различные церкви согласны по вопросу брака все же гораздо больше, чем с окружающим миром. Я имею в виду, что любая церковь рассматривает развод как ампутацию части живого тела, как своего рода хирургическую операцию. Одни церкви считают эту операцию настолько неестественной, что вовсе не допускают ее. Другие допускают развод, но как крайнюю меру в исключительно тяжелых случаях.

Все они согласны с тем, что эта процедура скорее похожа на ампутацию обеих ног, чем на расторжение делового товарищества. Никто из них не принимает современной точки зрения на развод, утверждающей, что он совершается партнерами как своего рода реорганизация, необходимая, если между ними больше нет любви или если один из них полюбил кого-то другого. Прежде чем мы перейдем к этой современной точке зрения на развод, в ее связи с целомудрием, нам следовало бы проследить ее связь с другой добродетелью, а именно справедливостью.

Последняя включает в себя, помимо всего прочего, верность обещаниям. Каждый, кто венчался в церкви, давал торжественное публичное обещание хранить верность своему партнеру до смерти. Долг сдерживать его не находится в специфической зависимости от характера половых отношений. Обещание, данное при заключении брачного союза, схоже с любым другим. Если, как утверждают наши современники, половое влечение ничем не отличается от других наших импульсов, то и относиться к нему следует, как к любому из них. Как всякую тягу к излишествам, его надо контролировать. Если же, как я думаю, половой инстинкт отличается от других тем, что болезненно воспален, то мы должны реагировать на него особенно осторожно, чтобы он не толкнул нас на бесчестный поступок.

На это кто-нибудь возразит, что считает обещание, данное в церкви, простой формальностью, которую не имел намерения соблюдать. Кого же тогда он старался обмануть, давая это обещание? Бога? Это было бы неумно. Себя самого? Тоже не умнее. Невесту, ее родственников? Это было бы предательством. Чаще всего, я думаю, брачная пара (или один из них) надеется обмануть публику. Они желают респектабельности, связанной с браком, но не желают платить за это. Такие люди — обманщики и самозванцы. Если они к тому же испытывают удовлетворение от обмана, то мне нечего им сказать, ибо кто станет навязывать высокий и трудный долг целомудрия людям, у которых еще не пробудилось желание быть честными? А если они уже образумились и возымели такое желание, то обещание, данное ими, послужит им сдерживающей силой, и они станут вести себя, откликаясь на зов справедливости, а не целомудрия. Если люди не верят в постоянный брак, им, пожалуй, лучше жить вместе, не вступая в него. Это честнее, чем давать клятвы, которых не намерен исполнять.

Верно, что совместная жизнь вне брака делает их виновными (с точки зрения христианства) в грехе прелюбодеяния. Но нельзя избавиться от одного порока, добавив к нему другой: распущенность нельзя исправить, добавив к ней клятвопреступление.

Очень популярная в наши дни идея, что единственное оправдание брака — любовь между супругами, не оставляет места для брачного контракта или брачных обетов. Если все держится на влюбленности, обещание теряет смысл и давать его не следует. Любопытно, что сами влюбленные, пока еще влюблены, знают это лучше, чем те, которые рассуждают о любви. По замечанию Честертона, влюбленным присуща естественная склонность связывать друг друга обещаниями. Любовные песни во всем мире полны клятв в вечной верности. Христианский закон не навязывает влюбленным чего-то такого, что чуждо природе любви, а лишь требует, чтобы они с полной серьезностью относились к тому, на что вдохновляет их страсть.

И конечно, обещание, данное, когда я был влюблен и потому, что я был влюблен, обещание хранить верность на всю жизнь, обязывает меня быть верным даже в том случае, если любовь прошла. Ведь обещание может относиться только к действиям и поступкам, то есть то, что я могу контролировать. Никто не может обещать, что будет постоянно испытывать одно и то же чувство. С таким же успехом можно обещать никогда не страдать головной болью или всегда быть голодным. Возникает вопрос: какой смысл держать двух людей вместе, если они больше не любят друг друга? На это есть несколько серьезных причин социального характера: не лишать детей семьи; защитить женщину (которая, возможно, пожертвовала своей карьерой, выходя замуж) от перспективы быть брошенной, как только она наскучит мужу. Но существует еще одна причина, в которой я убежден, хотя мне не совсем легко объяснить ее.

И вот почему: слишком многие люди просто не в состоянии понять, что если Б лучше, чем В, то А может быть еще лучше, чем Б. Они предпочитают понятия «хороший» и «плохой», а не «хороший», «лучший» и «самый лучший» или «плохой», «худший» и «самый худший». Они хотят знать, считаете ли вы патриотизм хорошим качеством. Вы отвечаете, что, конечно, патриотизм — хорошее качество, гораздо лучшее, чем эгоизм, присущий индивидуалисту, но что всеобщая братская любовь — выше патриотизма, и

если они вступают в конфликт между собой, то предпочтение следует отдать братской любви. Казалось бы, вы даете полный ответ, но ваши оппоненты видят в нем лишь желание увильнуть от ответа. Они спрашивают, что вы думаете о дуэли. Вы отвечаете, что простить человеку оскорбление гораздо лучше, чем сражаться с ним на дуэли. Однако даже дуэль может быть лучше, чем ненависть на всю жизнь, которая проявляется в тайных попытках унижить человека, всячески повредить ему. Если вы дадите им такой ответ, они отойдут от вас, жалуясь, что вы не хотите ответить прямо. Я очень надеюсь, что никто из читателей не сделает подобной ошибки в отношении того, о чем я собираюсь сейчас говорить.

Влюбленность — восхитительное состояние, во многих отношениях оно полезно для нас. Любовь помогает нам быть великодушными и мужественными, раскрывает перед нами не только красоту любимого существа, но и красоту, разлитую во всем, и, наконец, контролирует (особенно вначале) наши животные половые инстинкты. В этом смысле любовь — великая победа над похотью. Никто в здравом уме не станет отрицать, что влюбленность лучше обычной чувственности или холодной самовлюбленности. Но, как я сказал прежде, опаснее всего следовать какому-то из импульсов нашей природы любой ценой, ни перед чем не останавливаясь. Быть влюбленным — вещь хорошая, но не лучшая.

Есть много вещей, которые меркнут перед влюбленностью; но есть и такие, которые выше ее. Вы не можете класть это чувство в основание всей своей жизни. Да, оно благородно, но оно всего лишь чувство, и нельзя рассчитывать, что оно с одинаковой интенсивностью будет длиться всю жизнь. Знание, принципы, привычки могут быть долговечны: чувство приходит и уходит. И в самом деле, что бы люди ни говорили, состояние влюбленности преходяще. Да и то сказать: если бы люди пятьдесят лет испытывали друг к другу точно то же, что в день перед свадьбой, их положение было бы не слишком завидным. Кто смог бы вынести постоянное возбуждение и пять лет? Что случилось бы с нашей работой, аппетитом, сном, с нашими дружескими связями? Но конец влюбленности, конечно — не конец любви. А любовь — именно любовь, в отличие от влюбленности, — не просто чувство. Это глубокий союз, поддерживаемый волевыми усилиями, укрепляемый привычкой. Любовь укрепляется (в христианском браке) и благодатью, о которой просят и которую получают от Бога оба партнера. Поэтому они могут любить друг друга даже тогда, когда друг другом недовольны. (Ведь любите же вы себя, когда недовольны собой.) Они в состоянии сохранить эту любовь и тогда, когда каждый из них мог бы влюбиться в кого-нибудь еще, если бы позволил себе. Влюбленность в самом начале побудила их дать обещание верности друг другу. Вторая, более спокойная любовь дает им силы хранить это обещание. Именно на такой любви работает мотор брака. Влюбленность была только вспышкой для запуска. Если вы со мной не согласны, то, конечно, скажете: «Он ничего об этом не знает, потому что сам не женат». Очень возможно, что вы правы. Но прежде чем вы это скажете, убедитесь, пожалуйста, в том, что судите на основании личного опыта или на основании наблюдений за жизнью своих друзей. Не судите на основании идей, почерпнутых из романов и фильмов. И требуется много терпения и умения, чтобы выделить те уроки, которые нам действительно преподаны жизнью.

Из книг люди нередко получают представление, будто влюбленность может длиться всю жизнь, если вы не ошиблись при выборе. Отсюда вывод: если этого нет, значит, допущена ошибка. Остается лишь сменить партнера. Думающие так не осознают, что и восторг новой любви постепенно угаснет точно так же. Ведь и в этой форме жизни, как и в любой другой, возбуждение приходит вначале, но не остается навсегда. То возбуждение, которое испытывает мальчишка при первой мысли о полете, уляжется, когда он придет в авиацию и приступит к учебным полетам. И восторг, который теснит вам душу, когда вы впервые попадаете в какое-то прекрасное место, постепенно гаснет, если вы там поселитесь. Значит ли это, что лучше вообще не учиться летать и не переселяться в

красивейшие места? Отнюдь нет. В обоих случаях, пройдя через первую фазу, вы почувствуете, как первоначальное возбуждение сменяется более спокойным и постоянным интересом. Более того (я едва могу найти слова, чтобы выразить, какое большое значение придаю этому), только те люди, которые готовы примириться с потерей трепета и довольствоваться трезвым интересом, способны обрести новые восторги. Человек, который научился летать и стал хорошим пилотом, внезапно слышит музыку сфер. Человек, который поселился в прекрасном месте, открывает для себя радость еще больше украшать его, насаждая в нем сад.

В какой-то мере, я думаю, Христос имел в виду и это, когда сказал, что ничто не может жить, пока не умрет. Не пытайтесь удерживать удовольствие, питаемое возбуждением. Это было бы самой опасной ошибкой. Дайте возбуждению пройти, дайте ему умереть, переживите это умирание и перейдите в следующий за ним период спокойной заинтересованности и счастья. Сделайте это, и вы увидите, что вы все время живете в мире новых восторгов и нового трепета. Но если вы попытаетесь искусственно включить восторженное состояние в свое повседневное «меню», то обнаружите, как оно постепенно слабеет и все реже вас посещает, и вот уж вы доживаете свою жизнь преждевременно состарив шимся, утратившим иллюзии человеком, которому все наскучило. Именно из-за того, что очень немногие люди это понимают, вы встречаете вокруг так много людей среднего возраста, ворчащих, что юность прошла попусту. Нередко они сетуют на прошедшую юность в таком возрасте, когда перед ними еще должны открыться новые горизонты со всех сторон. Гораздо интереснее по-настоящему научиться плавать, чем бесконечно (и безнадежно) стараться вернуть то чувство, которое вы испытали, когда впервые ребенком надели ласты и поплыли.

Очень часто в романах и пьесах вы находите мысль, будто влюбленность — такое чувство, которому невозможно противиться. Будто это что-то такое, что просто поражает вас, как, к примеру, корь. Некоторые люди в это верят, и, будучи женаты, срывают предохранитель со своих чувств при встрече с привлекательной знакомой. Однако я склонен думать, что в жизни такие непреодолимые страсти посещают нас гораздо реже, чем в книгах (во всяком случае, взрослых людей). Когда мы встречаем человека красивого, умного, привлекательного, мы, в каком-то смысле, должны полюбить эти его прекрасные качества, должны восхищаться ими. Но не от нас ли в основном зависит, перерастет ли это восхищение в то, что мы зовем влюбленностью? Нет сомнений, что если мы напичканы романтическими сюжетами и любовными песнями, да к тому же пребываем под действием алкоголя, то способны превратить любое восхищение в любовь такого рода. Точно так же, если вдоль тропинки вырыта канава, вся дождевая вода будет собираться в нее; или, если мы носим синие очки, все вокруг кажется нам синим. Но это — наша собственная вина.

Прежде чем мы оставим вопрос о разводе, я бы хотел разграничить две вещи, которые часто смешивают. Христианский принцип брака — это один вопрос. Совсем другой вопрос: как далеко могут идти христиане, если они избиратели или члены парламента, в старании привить свой взгляд на брак остальным членам общества? Очень многие люди считают, что если вы христианин, то должны затруднить развод для всех остальных. Я с этим не согласен. Я, например, знаю, что возмущился бы, если бы мусульмане постарались запретить всем нам, остальным, вино. Я придерживаюсь следующего мнения: церковь должна откровенно признать, что граждане Великобритании в большинстве своем не христиане и, следовательно, от них нельзя ожидать, чтобы они вели христианский образ жизни. Необходимо иметь два рода браков: один — регулируемый государством на основании законов, обязательных для всех граждан; другой — регулируемый церковью на основании тех законов, которые обязательны для всех ее членов. Различие должно быть очень четким, чтобы людям было ясно, какая пара вступает в брак по-христиански, а какая — нет.

Я думаю, я сказал достаточно о постоянстве и неразрывности христианского брака.

Нам остается разобраться в одном, еще более непопулярном вопросе. Христианские жены дают обещание повиноваться своим мужьям. В христианском браке глава семьи — мужчина. В связи с этим возникают два вопроса: 1. Почему в семье обязательно должен быть глава, почему нельзя допустить равенства? 2. Почему главой должен быть мужчина?

1. Необходимость иметь главу в семье вытекает из идеи, что брак — союз постоянный. Конечно, когда муж и жена живут в согласии, вопрос о главенстве не возникает. И мы должны надеяться, что именно это является нормой в христианском браке. Но если возникает разногласие, что тогда? Тогда супругам не избежать серьезного разговора. Допустим, они уже пытались говорить и тем не менее к согласию не пришли. Что им делать дальше? Они не могут решить вопроса с помощью голосования, потому что при наличии лишь двух сторон голосование невозможно. В таком случае остаются две вещи: либо им придется разойтись в разные стороны, либо один из них должен получить право решающего голоса. При постоянном браке одна из сторон должна в предвидении крайнего случая иметь власть и решать вопросы семейного союза. Ибо никакой постоянный союз невозможен без конституции.

2. Если в семье должен быть глава, то почему именно мужчина? Ну что ж, во-первых, есть ли у кого серьезное желание, чтобы главную роль в семье играла женщина? Как я уже сказал, я сам не женат. Однако я вижу, что даже те женщины, которые хотят быть главою в своем доме, обычно не приходят в восторг, наблюдая такую же ситуацию у соседей. Скорее всего, они скажут: «Бедный мистер Икс! (имея в виду соседа). Почему он позволяет этой ужасной женщине верховодить? Я просто не могу его понять!» Я даже не думаю, что эта женщина будет польщена, если кто-нибудь заметит, что она сама «верховодит» в своей семье. Должно быть, есть что-то противоестественное в женском руководстве мужьями, потому что сами жены несколько смущены этим и презирают таких мужей.

Но есть еще одна причина; и здесь, скажу откровенно, я говорю как холостяк, потому что причину эту лучше видно со стороны, чем с позиции женатого человека. Отношения семьи с внешним миром — так сказать, внешняя политика семьи — должны находиться, в конечном счете, под контролем мужа. Почему? Потому что он всегда должен быть (и, как правило, бывает) более справедлив к посторонним. Женщина сражается в первую очередь за своих детей и своего мужа, против всего остального мира. Для нее, вполне естественно, их требования, их интересы перевешивают все соображения. Она — их чрезвычайный поверенный. Задача мужа — следить за тем, чтобы это естественное предпочтение не ставилось постоянно во главу угла в отношениях семьи с окружающими. За ним должно оставаться последнее слово, чтобы он мог, в случае необходимости, защитить других от семейного патриотизма своей жены. Если кто-нибудь из вас сомневается в этом, позвольте мне задать вам вопрос. Если ваша собака укусила соседского ребенка или ваш ребенок ударил соседскую собаку, с кем вы предпочли бы иметь дело — с хозяином или с хозяйкой? Или если вы замужняя женщина, позвольте мне спросить вас: как бы вы ни обожали мужа, не признаетесь ли вы, что его главный недостаток — неспособность постоять за свои и ваши права при столкновении с соседями?

ПРОЩЕНИЕ

Я сказал в одной из предыдущих глав, что целомудрие — едва ли не самая непопулярная из христианских добродетелей. Но я не уверен, что был прав. Пожалуй, есть добродетель еще менее популярная, чем целомудрие. Она выражается в христианском правиле: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». непопулярна она потому, что христианская мораль включает в понятие «твоего ближнего» и «твоего врага»... Итак, мы подходим к ужасно тяжелой обязанности прощать своих врагов.

Каждый человек соглашается, что прощение — прекрасная вещь, до тех пор, пока

сам не окажется перед альтернативой прощать или не прощать, когда прощение должно исходить именно от него. Мы помним, как оказались в такой ситуации в годы войны. Обычно само упоминание об этом вызывает бурю, и не потому, что люди считают эту добродетель слишком высокой и трудной. Нет, просто прощение такого рода кажется им недопустимым, им ненавистна самая мысль о нем. «Нас тошнит от подобных разговоров», — заявляют они. И половина из вас уже готова меня спросить: «А как бы вы относились к гестапо, если бы были поляком или евреем?»

Я сам хотел бы это знать. Точно так же как хотел бы знать, что мне делать, если передо мной встанет выбор: умереть мученической смертью или отказаться от веры. Ведь христианство прямо говорит мне, чтобы я не отказывался от веры ни при каких обстоятельствах. В этой книге я не пытаюсь сказать вам, что я мог бы сделать, — я могу сделать крайне мало. Я пытаюсь показать вам, что представляет из себя христианство. Не я его придумал. И в самой сердцевине его я нахожу эти слова: «Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим». Здесь нет ни малейшего намека на то, что прощение дается нам на каких-то других условиях. Слова эти совершенно ясно показывают, что если мы не прощаем, то не простят и нас. Двух путей здесь нет. Так что же нам делать?

Что бы мы ни пробовали делать, все будет трудно. Но я думаю, две вещи мы можем сделать, и они облегчат нам нашу трудную задачу. Приступая к изучению математики, вы начинаете не с дифференциального исчисления, а с простого сложения. Точно так же, если мы действительно хотим (а все зависит именно от нашего желания) научиться прощать, нам, наверное, следует начать с чего-то полегче, чем гестапо. Например, с того, чтобы простить мужа, или жену, или родителей, или детей, или ближайших соседей за что-то, что они сказали или сделали на прошлой неделе. Это, возможно, захватит наше внимание. Затем нам надо понять, что значит «любить ближнего, как самого себя». А как я люблю себя?

Вот сейчас, когда я подумал об этом, я понял, что у меня нет особой нежности и любви к себе самому. Я даже не всегда люблю свое собственное общество. Значит, слова «возлюби ближнего своего», очевидно, не означают «испытывай к нему нежность» или «находи его привлекательным». Впрочем, так и должно быть, потому что, конечно же, как бы вы ни старались, вы не заставите себя почувствовать нежность к кому бы то ни было. Хорошо ли я отношусь к самому себе? Считаю ли я себя приятным человеком? Что ж, боюсь, что минутами

— да (и это, несомненно, худшие мои минуты). Но люблю я себя не поэтому; не потому, что считаю себя славным парнем. На деле все наоборот, а именно: любовь к себе заставляет меня думать, что я, в сущности, славный парень. Следовательно, и врагов своих мы можем любить, не считая их приятными людьми. Это великое облегчение. Потому что очень многие думают, что простить своих врагов значит признать, что они, в конце концов, не такие уж плохие, тогда как на самом деле всем ясно, что они действительно плохи.

Давайте продвинемся еще на шаг вперед. В моменты просветления я не только не считаю себя приятным человеком, но, напротив, нахожу себя просто отвратительным. Я с ужасом думаю о некоторых вещах, которые я совершил. Значит, мне, по всей видимости, дозволяется ненавидеть и некоторые поступки моих врагов. И вот уже мне вспоминаются слова, давно произнесенные христианскими учителями: «Ты должен ненавидеть зло, а не того, кто совершает его». Или иначе: «Ненавидеть грех, но не грешника». Долгое время я считал это различие глупым и надуманным; как можно ненавидеть то, что делает человек, и при этом не ненавидеть его самого? Но позднее я понял, что годами именно так и относился к одному человеку, а именно к самому себе. Как бы я ни ненавидел свою трусость или лживость, или жадность, я тем не менее продолжал любить себя, и мне это было совсем не трудно. Фактически я ненавидел свои дурные качества потому, что любил себя. Именно поэтому так огорчало меня то, что я делал, каким я был. Следовательно,

христианство не побуждает нас ни на гран смягчить ту ненависть, которую мы испытываем к жестокости или предательству. Мы должны их ненавидеть. Ни одного слова, которые мы сказали о них, не следует брать обратно. Но христианство хочет, чтобы мы ненавидели их так же, как ненавидим собственные пороки, то есть чтобы мы сожалели, что кто-то мог поступить так, и надеялись, что когда-нибудь, где-нибудь он сможет исправиться и снова стать человеком.

Проверить себя можно следующим образом. Предположим, вы читаете в газете историю о гнусных и грязных жестокостях. На следующий день появляется сообщение, где говорится, что опубликованная вчера история, возможно, не совсем соответствует истине и все не так страшно. Почувствуете ли вы облегчение: «Слава Богу, они не такие негодяи, как я думал». Или будете разочарованы и даже попытаетесь держаться первоначальной версии просто ради удовольствия думать, что те, о ком вы читали, — законченные мерзавцы? Если человек охвачен вторым чувством, тогда, боюсь, он вступил на путь, который

— пройди он его до конца — заведет его в сети дьявола. В самом деле, ведь он хочет, чтобы черное было еще чернее.

Стоит дать волю этому чувству, и через какое-то время захочется, чтобы серое, а потом и белое тоже стало черным. В конце концов появится желание все, буквально все — Бога, и наших друзей, и себя самих — видеть в черном свете. Подавить его уже не удастся. Атмосфера безудержной ненависти поглотит такую душу навеки.

Попытаемся продвинуться еще на шаг вперед. Означает ли «Возлюби врага своего», что мы не должны его наказывать? Нет: ведь и то, что я люблю самого себя, не значит, что я всячески должен спасать себя от заслуженного наказания, вплоть до смертной казни. Если вы совершили убийство, то по христианскому принципу надо сдать в руки властям и испить чашу даже до смерти. Только такое поведение было бы правильным с христианской точки зрения. Поэтому я полагаю, что судья-христианин абсолютно прав, приговаривая преступника к смерти, прав и солдат-христианин, когда убивает врага на поле сражения. Я всегда придерживался этого мнения с тех пор, как сам стал христианином, задолго до войны, и сегодня держусь его. Известное «Не убий» приводится в неточном переводе. Дело в том, что в греческом языке есть два слова, которые переводятся как глагол «убивать». Но одно из них значит действительно просто «убить», тогда как другое — «совершить убийство». И во всех трех Евангелиях — от Матфея, Марка и Луки, — где цитируется эта заповедь Христа, употребляется именно то слово, которое означает «не совершай убийства». Мне сказали, что такое же различие существует и в древнееврейском языке. «Убивать» — далеко не всегда означает «совершать убийство», так же как половой акт не всегда означает прелюбодеяния. Когда воины спросили у Иоанна Крестителя, как им поступать, он и намекнул на то, что им следует оставить армию. Ничего такого не требовал и Сам Иисус, когда, например, встретился с римским сотником. Образ рыцаря-христианина, готового во всеоружии защищать доброе дело, — один из великих образов христианства. Война — вещь отвратительная, и я уважаю искреннего пацифиста, хотя считаю, что он полностью заблуждается. Кого я не могу понять, так это полупацифистов, встречающихся в наши дни, которые пробуют внушить людям, что если уж они вынуждены сражаться, то пусть сражаются, как бы стыдясь, не скрывая, что делают это по принуждению. Подобный стыд нередко лишает прекрасных молодых военных из христиан того, что принадлежит им по праву и является естественным спутником мужества, а именно — бодрости, радости и сердечности.

Я часто думаю про себя, что бы случилось, если бы, когда я служил в армии во время первой мировой войны, я и какой-нибудь молодой немец одновременно убили друг друга и сразу же встретились после смерти. И, знаете, я не могу себе представить, чтобы кто-то из нас двоих почувствовал обиду, негодование или хотя бы смущение. Думаю, мы просто рассмеялись бы над тем, что произошло.

Я могу себе представить, что кто-нибудь скажет: «Если человеку дозволено осуждать поступки врага и наказывать и даже убивать его, то в чем же разница между христианской моралью и обычной человеческой точкой зрения?» Разница есть, и колоссальная. Помните: мы, христиане, верим, что человек живет вечно. Поэтому значение имеют только те маленькие отметины на нашем внутреннем «я», которые в конечном счете обращают душу человеческую либо в небесное, либо в адское существо. Мы можем убивать, если это необходимо, но не должны ненавидеть и упиваться ненавистью. Мы можем наказывать, если надо, но не должны испытывать при этом удовольствия. Иными словами, мы должны убить глубоко гнездящуюся в нас враждебность, стремление отомстить за обиды. Я не хочу сказать, что любой человек может прямо сейчас покончить с этими чувствами. Так не бывает.

Я имею в виду следующее: всякий раз, когда это чувство шевелится в глубине нашей души, заявляя о себе, день за днем, год за годом, на протяжении всей нашей жизни, мы должны давать ему отпор. Это тяжелая работа, но не безнадежная. Даже когда мы убиваем или наказываем, мы должны так относиться к врагу, как относились бы к себе, то есть желать, чтобы он не был таким скверным, надеяться, что он сумеет исправиться. Короче, мы должны желать ему добра. Вот что имеет в виду Библия, когда говорит, чтобы мы возлюбили своих врагов: мы должны желать им добра, не питая к ним особой нежности и не говоря, что они — славные ребята, если они не таковы.

Да, это значит любить и таких людей, в которых нет ничего вызывающего любовь. Но, с другой стороны, есть ли в каждом из нас что-нибудь так уж достойное любви и обожания? Нет, мы любим себя только потому, что это мы сами. Бог же предназначил нам любить внутреннее «я» каждого человека точно так же и по той же причине, по которой мы любим свое «я». В нашем собственном случае Он дал нам готовый образец (которому мы должны следовать), чтобы показать, как эта любовь работает. И, воспользовавшись собственным примером, мы должны перенести правило любви на внутреннее «я» других людей. Возможно, нам легче будет его усвоить, если мы вспомним, что именно так любит нас Бог: не за приятные, привлекательные качества, которыми, по нашему мнению, мы обладаем, но просто потому, что мы — люди. Помимо этого нас, право же, не за что любить. Ибо мы способны так упиваться ненавистью, что отказаться от нее нам не легче, чем бросить пить или курить.

ВЕЛИЧАЙШИЙ ГРЕХ

Я перехожу сейчас к той части христианской морали, в которой она особенно резко отличается от всех других норм нравственности. Существует порок, от которого не свободен ни один человек в мире. Но каждый ненавидит его в ком-то другом, и едва ли кто-нибудь, кроме христиан, замечает его в себе. Я слышал, как люди признаются, что у них плохой характер, либо в том даже, что они трусы. Но я не припомню, чтобы когда-либо слышал от нехристианина признание в этом пороке. И я очень редко встречал неверующих, которые были бы хоть немного снисходительны к проявлению этого порока в других. Нет такого порока, который делает человека более непопулярным, и нет такого порока, который мы менее замечаем в себе. Чем больше этот порок у нас, тем больше мы ненавидим его в других.

Я говорю о гордыне или самодовольстве, противоположную ей добродетель христиане называют смирением. Вы, быть может, помните, что когда я говорил о морали в вопросах пола, то предупредил вас, что центр христианской нравственности лежит не там. И вот сейчас мы подошли к этому центру. Согласно христианскому учению, самый главный порок, самое страшное зло — гордость. Распушенность, раздражительность, пьянство, жадность и тому подобное — все это мелочь по сравнению с ней. Именно гордость сделала дьявола тем, чем он стал. Гордость ведет ко всем другим порокам: это абсолютно враждебное Богу состояние духа.

Возможно, вы думаете, я преувеличиваю. В таком случае вдумайтесь еще раз в мои слова. Несколько мгновений назад я сказал, что чем больше гордости в человеке, тем сильнее он ненавидит это качество в других. Если вы хотите выяснить меру собственной гордыни, проще всего это сделать, задав себе вопрос: «Насколько глубоко я возмущаюсь, когда другие унижают меня, или отказываются меня замечать, или вмешиваются в мои дела, или относятся ко мне покровительственно, или красуются и хвастают в моем присутствии?» Дело в том, что гордость каждого человека соперничает с гордостью всякого другого. Именно потому, что я хотел быть самым заметным на вечеринке, меня так раздражает, что кто-то другой привлекает к себе всеобщее внимание.

Нам следует ясно понять, что гордости органически присущ дух соперничества, в этом сама ее природа. Другие пороки вступают в соперничество, так сказать, случайно. Гордость не довольствуется частичным обладанием. Она удовлетворяется только тогда, когда больше, чем у соседа. Мы говорим, что люди гордятся богатством, или умом, или красотой. Но это не совсем так. Они гордятся тем, что они богаче, умнее или красивее других. Если бы все стали одинаково богатыми, или умными, или красивыми, людям нечем было бы гордиться. Только сравнение возбуждает в нас гордость: сознание, что мы выше остальных, приносит нам удовлетворение. Там, где не с чем соперничать, гордости нет места. Вот почему я сказал, что гордости дух соперничества присущ органически, тогда как о других пороках этого не скажешь. Половое влечение может пробудить дух соперничества между двумя мужчинами, если они желают обладать одной и той же женщиной. Но это только случайность. Ведь они могли бы увлечься двумя разными девушками. Между тем гордый человек уведет вашу девушку не потому, что он ее любит, а только для того, чтобы доказать самому себе, что как мужчина он лучше, чем вы. Жадность может толкнуть людей на соперничество, если они испытывают недостаток в тех или иных вещах. Но гордый человек, даже если у него этих вещей больше, чем ему хотелось бы, будет стараться приобрести их еще больше просто для того, чтобы утвердиться в силе и власти. Почти все зло в мире, которое люди приписывают жадности и эгоизму, на самом деле — результат гордости.

Возьмите, к примеру, деньги. Желание лучше проводить отпуск, иметь лучший дом, лучшую пищу и лучшие напитки делает человека жадным до денег: он хочет иметь их как можно больше. Но это до определенного предела. Что заставляет человека, получающего 40 000 долларов в год, стремиться к 80 000? Теперь уже не просто жадность к удовольствиям. Ведь при 40 000 долларов роскошная жизнь для него вполне доступна. Это гордость вызывает в нем желание стать богаче других и желание еще более сильное — обрести власть, ибо именно власть доставляет гордости особое удовольствие. Ничто не дает человеку такого чувства превосходства, как возможность играть другими людьми будто оловянными солдатиками. Что заставляет молодую девушку сеять несчастье повсюду, где она появляется, собирая вокруг себя поклонников? Конечно, не половой инстинкт. Девушки подобного рода очень часто бесстрастны. Ее толкает на это гордость. Что заставляет политического лидера или целую нацию постоянно стремиться к новым успехам и достижениям, не довольствуясь прежними? Опять-таки гордость. Гордости присущ дух соперничества. Вот почему ее невозможно удовлетворить. Если я страдаю гордостью, то пока хоть один человек обладает большей властью, богатством или умом, чем я, он будет мне соперником и врагом.

Христианство право: именно гордость породила главные несчастья в каждом народе и в каждой семье с начала мира. Другие пороки могут иногда спланивать людей; так, среди тех, кто охоч до выпивки и чужд целомудрия, вы можете обрести веселых приятелей. Но гордость всегда означает враждебность

— она и есть сама враждебность. И не только враждебность человека к человеку, но и человека к Богу.

В лице Бога вы встречаетесь с чем-то таким, что во всех отношениях неизмеримо превосходит вас. Пока вы не осознали этого, а следовательно, и того, что в сравнении с

Ним вы — ничто, вы вообще не в состоянии познать Бога. Вы не можете познать Его, не отрешившись от своей гордости. Ведь гордый человек всегда смотрит свысока на все и на всех, то есть сверху вниз: как же увидеть ему то, что над ним!

Возникает ужасный вопрос. Как возможно, что люди, пожираемые гордостью, говорят, будто они верят в Бога, и считают самих себя очень религиозными? Я боюсь, что эти люди поклоняются воображаемому Богу. Теоретически они признают, что перед лицом этого призрачного Бога они — ничто. Но им постоянно представляется, будто этот Бог одобряет их и считает их лучше других; они платят Ему воображаемым, грошовым смирением, переполняясь в то же время горделивым высокомерием по отношению к окружающим. Я полагаю, Христос думал и о таких людях, когда говорил, что некоторые будут проповедовать Его и именем Его изгонять бесов, но при конце мира услышат от Него, что Он никогда их не знал. Любой из нас в любой момент может попасть в эту ловушку. К счастью, у нас есть возможность испытать себя. Всякий раз, когда возникает ощущение, что наша религиозная жизнь делает нас лучше других, мы можем быть уверены, что ощущение это не от Бога, а от дьявола. Вы можете быть уверены, что Бог действительно присутствует в вашей жизни только тогда, когда либо совсем забываете о себе, либо видите себя незначительным и нечистым. Лучше совсем забыть о себе. Это ужасно, что самый страшный из всех пороков способен проникнуть в самую сердцевину нашей религиозной жизни. Но это и вполне понятно. Другие, менее вредоносные пороки исходят от дьявола, действующего на нас через нашу животную природу. А этот порок проникает в нас иным путем: он приходит непосредственно из ада. Ведь природа его — чисто духовная, а следовательно, и действие его гораздо более утонченно и смертоносно. По этой причине гордость часто может служить для исправления других пороков. Учителя, к примеру, нередко взывают к гордости учеников или к их самоуважению, как они это называют, чтобы заставить их вести себя прилично. Многим людям удается преодолеть трусость, приверженность к дурным страстям или исправить скверный характер, убеждая себя, что пороки эти ниже их достоинства; они достигают победы, разжигая в себе гордость. И, глядя на это, дьявол смеется. Его вполне устраивает, что вы становитесь целомудренными, храбрыми, владеющими собой, если при этом ему удастся подчинить вашу душу диктату гордости, — точно так же он бы не возражал, чтобы вы излечились от озноба, если взамен ему позволено передать вам рак. Ведь гордость — это духовный рак: она пожирает самую возможность любви, удовлетворения даже здравого смысла.

Прежде чем мы покончим с этой темой, я должен предостеречь вас против таких ошибок:

1. Если вы испытываете удовольствие, когда вас хвалят, это не свидетельствует о гордости. Ребенок, которого похлопали по плечу за хорошо выученный урок, женщина, чьей красотой восхищается возлюбленный, спасенная душа, которой Христос говорит: «Хорошо, верный раб», — все они чувствуют себя польщенными, и это вполне закономерно. Ведь здесь — удовольствие вызывает не то, какой вы, а сознание, что вы сделали приятное кому-то, кого хотели (и правильно!) порадовать. Беда начинается тогда, когда вы от мысли: «Я доставил ему удовольствие; как хорошо!» — переходите к мысли: «Должно быть, я очень хороший человек, раз сделал это». Чем больше вы нравитесь себе и чем меньше удовольствия испытываете от похвалы, тем хуже вы становитесь. Если похвала вообще перестает занимать вас и любование самим собою становится единственным источником вашего удовольствия, значит, вы достигли дна. Вот почему тщеславие — тот сорт гордости, который проявляется, главным образом, на поверхности, — пожалуй, наименее опасно и наиболее простительно.